

В О Е Н Т О Р Г
СКЛАД №1

Рафэль Дамиров **2**

КУРСАНТ

НАЗАД В СССР

Рафаэль Дамиров
Курсант. Назад в СССР 2
Серия «Курсант: Назад
с СССР», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69897607
Р. Дамиров. Курсант. Назад в СССР 2:

Аннотация

Продолжение приключений нашего современника Андрея Петрова по прозвищу Курсант, очутившегося в далеком 1978 году в СССР. Андрей устроился в местное УВД и тянет милицейскую лямку, начав с самых низов. Провинциальный городок по-прежнему терроризирует неуловимый убийца молоденьких девушек, которого прозвали Новоульяновским душителем. Петров использует навыки из будущего, чтобы выйти на след серийного убийцы...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	48
Глава 5	61
Глава 6	74
Глава 7	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Рафаэль Дамиров

Курсант. Назад в СССР 2

Рафаэль Дамиров

* * *

Глава 1

Моё тело превратилось в сжатую пружину. Пальцы рефлекторно сжались в кулаки. Хотелось резко развернуться и хрястнуть боковым того, кто с пистолетом. Нет... Слишком опасно. Не чую я, где противник. Не ощущаю дистанцию.

“Алкаш” работал грамотно, ткнул меня пистолетом, дал почувствовать дуло и теперь держал ствол на некотором расстоянии. Могу промахнуться. Не поймешь, где оружие. В паре сантиметров от спины или дальше. Выбить никак не получится.

Все эти приёмчики по обезоруживанию даже включены в обязательную программу по служебной подготовке в МВД. Но ерунда это всё. Если ты робокоп, можно попробовать выбить пистолет, а так – не стоит. Шанс словить пулю – процентов за девяносто.

Мордovorот вылез из машины и с ходу врезал мне под дых. Я согнулся в три погибели, хватал ртом воздух и боролся со спазмом. Вот с-сука! Больно...

Я не успел среагировать и защититься от удара. Слишком занят был думками о пистолете за спиной. Да и дёргаться лишний раз не хотелось. Стрелок сзади мог сдуру подумать не то, а пробоина в спине мне ни к чему. Не хочется шкуру портить. У меня и татушек-то нет, а дырок подавно не надо.

Пока я пытался продышаться, из машины вылезли еще

двое. Краем глаза видел, что одеты неброско, свитера и непонятного вида штаны. Один даже в спортивном костюме. Мать твою! Да кто это такие?

Не произнося ни слова, меня скрутили и затолкали на заднее сиденье. Двое громил стиснули меня с боков. Руки впереди стянули куском веревки.

– Поехали, – похлопал водилу по плечу сидящий справа от меня мордоворот.

Тот самый, что меня ударил. Лицо мне его показалось немного знакомым. Такую рожу трудно не запомнить.

С каждой секундой мне становилось все понятнее, к кому в лапы я попал. Конторские так грубо не работают и одеваются совсем по-другому. Если комитетчики захотели бы со мной переговорить, то просто показали бы свои корки. Я бы и так с ними поехал. А тут вылитые бандюганы. Вместо наручников нейлоновый шнур.

– Вы кто такие? – прохрипел я, когда, наконец, отдышался и смог хоть как-то говорить.

Но вместо ответа получил удар в живот. В этот раз я был готов. Успел сгруппироваться и подставить локоть. Кулак смазал по моей руке, и удар получился не таким чувствительным, но один хрен – больно.

Прикусил губу. Вот твари... Лучше помолчу пока. По дороге на голову мне напялили какой-то колючий мешок. Он вонял тухлой рыбой. Мерзкие жесткие волокна щекотали кожу и с чешуёй липли к лицу и шее... Я брезгливо отплёвы-

вался.

Попал, так попал... И работа в ментовке не спасла. Я уже понял, кто хозяин этих бандерлогов. Весь вопрос в том, куда меня везут. Если закапывать в лес, то дело – труба. Умирать как-то совсем не хочется. Особенно, когда восемнадцать годов отроду. Я к смерти никогда не был готов. Хотя иногда был с ней на “ты”.

Но если едем на “казнь”, тогда смысл мне мешок на голову цеплять? Мёртвые не болтают и дороги назад не найдут.

Значит, не всё потеряно. Скорее всего, меня к боссу везут. А он и будет решать, что с Курсантом делать.

Надо же... И о прозвище моём пронюхали. Облажался товарищ Черненко, не уберёг “подопечного”.

Хотя, кто его знает? Может, это он меня слил? Всё тут не так просто оказалось. Нет черного и белого. А в серых полутонах запутаться можно.

Машина стала покачиваться на кочках. Получается, что съехали с асфальта. Это плохо... Громоздкие туши сдавливали меня с боков. Несёт от них потом и одеколоном. Явно не советским “Шипром”.

Сколько прошло? Минут двадцать-тридцать примерно. Волга, судя по звуку, уже въехала на грунтовку. По подкрылкам защелкали камешки. Я запоминал дорогу “на слух”.

Просёлочная дорога, получается, облагорожена мелким гравием или щебёнкой. Всё не так уж и плохо. Это значит, что не в лес меня везут. Скорее всего, направляемся на да-

чу или в загородный дом. Что, впрочем, в семидесятые было одним и тем же.

Ещё минут через десять автомобиль сбавил скорость и, неспешно прокатившись несколько метров (очевидно, въехали во двор), остановился.

– Приехали! – возвестил чей-то хриплый, как у Джигурды, голос.

Меня выволокли из машины. Даже сквозь грубую мешковину я почувствовал свежий воздух. Не как в городе. Где-то вдалеке заливались собаки. Городского шума не слышно. Всё-таки дача, получается.

Подхватили под руки и потащили куда-то. О первые ступеньки (крыльца, наверное), споткнулся, но повис на руках, что вцепились в меня мертвой хваткой. Потом уже шагал осторожнее. Ноги поднимал выше и опирался на головорезов побольше. Те не особо этому обрадовались и при каждом удобном случае тыкали меня под рёбра локтями.

Ночная прохлада сменилась на комнатное тепло. Сквозь сплетения грубых нитей сочится свет. Мы в помещении. Сопровождающие остановились и отпустили мои связанные впереди руки. Сдёрнули с головы мешок.

Я очутился в огромном каминном зале с диванами и столиками в каком-то средневековом стиле. На атласном «лежаке» с резной спинкой, прямо передо мной развалился Гоша Индия. Едкая ухмылка застыла на заострённом лице. Кожа неестественно серая. Глаза чуть впали. Хреново выглядит

катала. Возле него переминается с ноги на ногу кучка головорезов, что приволокли меня.

На Гоше шерстистый расписной халат, больше напоминающий одеяние падишаха. В руках бокал с янтарно-коричневой жидкостью. Вискарь или коньяк. Смотрит на меня, как бультерьер перед боем. Глаза кровью налиты, но с хмельком чуть-чуть.

Что же ты, падла, так на меня злишься? У тебя дочь недавно убили, а ты всё Курсанта забыть не можешь. И, кстати, откуда он моё прозвище узнал?

– Вот мы и встретились, – процедил Гоша, приглаживая аккуратно выбритые тараканьи усики.

Сам седой, а усики цвета вороньего крыла. Подкрашивает он их, что ли?

– И тебе привет. Или как тут вас принято? – хмыкнул я. – Вечер в хату...

Нужно показать, что Курсант не робеет. Если не боится, значит, чувствует за собой правоту. Может, это хоть как-то мне поможет. Хоть немного...

Но такая тактика не прокатила. Гоша кивнул, и ко мне со спины кто-то подступил.

Хрясь! От удара сзади-сбоку в челюсть аж искры из глаз брызнули. Я еле устоял на ногах. Адская боль обожгла лицо. Рот наполнился жидкостью с привкусом железа. Я лихорадочно ощупывал кончиком языка зубы. Вроде целы.

– Громкими словами разбрасываешься, Андрюша. Не по

масти, – Гоша в лице не менялся, эмоций ноль.

Будто с памятником говорю. Лишь по голосу можно было понять, что он явно не в духе. Скрипучий и жёсткий такой голос. Как ножом по металлу.

– А что мне статус? – я сплюнул кровь. – У нас коммунизм. Все, так сказать, равны...

Гоша опять кивнул своим шавкам, я приготовился к худшему и сгруппировался, но те вышли из комнаты. Мы остались одни.

Тишина. Тихо потрескивал камин, отбрасывая хищные длинные тени. В комнате царил полумрак. Тяжёлые портьеры наглухо запечатали окна. Лишь несколько напольных светильников в форме замысловатых свечей да пламя огня теснили темноту по углам.

Осмотрелся. На стенах картины с полуголыми бабами с наливными формами (как у певицы Лолиты) на фоне дворцовых покоев. Пара статуй в человеческий рост. Тоже полубнаженные женщины. Из греческой или из хрен пойми какой мифологии.

Взгляд невольно задержался на бронзовой треноге, на которой висел каминный набор. Если завладеть кочергой или совком (он даже поудачнее будет – весу в нем больше), можно попытаться вырубить Гошу.

Руки у меня связаны впереди, и махать стальным орудием вполне получится. Но камин расположился за Гошиной спиной. Так просто до него добраться – он не даст.

На задохлика бандит совсем не похож, на его левом ухе хрящ надулся, как пельмень. Сломано ухо когда-то было, как у борцов. Наверное, спортом Гоша каким-то в молодости занимался. И сейчас видно, что в форме. Не по статусу и не по возрасту подтянутый, и без намёка на мамон.

Со связанными руками мне с ним никак не совладать. Да и за дверью его гориллы притаились. Если шум какой услышат, мигом внутрь ворвутся. Гоша не дурак: раз оставил меня с собой наедине, значит, полностью уверен в своих силах и контролирует ситуацию.

Но я бы на их месте руки мне за спиной связал. Для надёжности. Пока руки связаны впереди и дают ложную надежду на спасение, меня постоянно одолевают шальные мысли: “Как прихлопнуть гада и свалить?”

– Не боишься, Курсант? – в лоб выдал Гоша.

– Не бояться только дураки, – спокойно ответил я.

– Верно, – кивнул катала. – На дурака ты не похож. Сам во всем признаешься или мои люди поговорят с тобой? С пристрастием.

– В чем признаться? – лучшая защита – это нападение, – В том, что ты людей обучаешь в подпольном казино? В том, что я выиграл “у тебя” лишнюю сотку и шулера подсадного спалил? Так это ты уже наверняка сто раз компенсировал новой выручкой. Уверен, что казино до сих пор процветает? Ведь так?

Подстриженные брови Гоши поползли на лоб. Он отста-

вил бокал. Потом снова подхватил его. Залпом опустошил (кто ж так коньяк-виски хлебает? Вот вандал) и злобно прошипел:

– Дурака валяешь? Сучонок! Что мне твоя сотка? Говори, тварь... Это был ты?...

Тонкие губы каталы тряслись. Казалось, он готов был вцепиться зубами мне в горло. Чем же я его так обидел? Что он пошел на похищение человека. Причем работника УВД. Хотя и вольнонаемного.

– Скажи прямо! – мои глаза сузились, – что за шарада? В чём ко мне предъява? В том, что твоих отморозков ни с чем оставил, когда они меня на перо хотели посадить? Так сам виноват. Сам их на меня натравил. Обиделся, что я не сдох? Спасибо товарищам из конторы. Вовремя подоспели. Иначе без трупов бы не обошлось. И не факт, что я первым бы погиб. Хотя, скорее всего, погиб бы тоже...

Гоша опешил. Плеснул себе еще напитка. Хлобыстнул. Занюхал пушистым рукавом халата. Кашлянул и снова впился в меня рентгеновским взглядом:

– Я никого к тебе не подсылал... Что несёшь?.. Говори! Ты её убил?!

– Кого? – только сейчас до меня дошло, что Гоше от меня надо.

Твою ж мать! Он думает, что я убил Зину? Вот это расклад... Как он вообще узнал, что мы с ней встречались? Это было всего раз... И какого хрена он чешет, что не подсылал

ко мне бандюганов? В ту ночь, если бы у меня на хвосте не сидели конторские, вряд ли бы я выжил.

От этих мыслей в голове совсем всё перепуталось. Так... Будем рассуждать логически. По-ментовски. На меня напали во дворе трое. Караулили весь день, хотели пришить. С какого перепугу я взял, что это Гошины подручные? Саныч сказал, что катала на меня обиделся, а ему однокашники-сидельцы об этом шепнули. В казино меня узнал заведомлением хирургии Мытько. Крысёныш сдал меня Гоше, а тот решил отомстить? Или и вправду на меня напали не люди Индии?.. Ёперный театр! Тогда кто меня пытался убить?!

– Я не трогал твою дочь, – четко и спокойно проговорил я, будто учитель ребенку. – С чего ты вообще это взял?

– Ты был с ней! – Гоша вдруг на секунду потерял самообладание и взвизгнул. – У меня дома! Мой водитель забрал вас с фабрики, он узнал тебя. Твои фото мелькали в прессе...

Так-с... Получается, нас с Зиной довозил вовсе не таксист? Человек, замаскированный под такси, забирал её. Зачем притворяться таксистом? Чтобы вопросов лишних к комсorghу не было?

Скорее всего, да... С этим понятно. Потом Зина погибла, и водила неожиданно напомнил Гоше о грешках его дочери. Пока та была жива – молчал. Логично...

– Я был у тебя, – кивнул я. – Но я не знал, что Зина твоя дочь. Ни за что бы не подумал. Она была отличным человеком и хорошим комсorghом.

– Заткнись, – прошипел Гоша. – Не называй её имя своим поганым языком! Мне без разницы, признаешься ты или нет. Но завтра ты сдохнешь... Как паршивый пёс!

– С чего ты вообще взял, что я убил Зину? – вновь повторил я.

Гоша хлопнул кулаком по столу. Тот задрожал, а бокал жалобно звякнул.

– Я расскажу, как было дело! – прохрипел он. – Сначала ты слил моих подручных, что занимались разменом валюты. Потом ты пришёл ко мне в казино, навёл там шороху и взбаламутил клиентов. Многие после этого перестали его посещать. Но тебе показалось этого мало. Ты устроился на фабрику, где работала моя дочь. Втёрся к ней в доверие. Пришел ко мне домой... Трахнул ее, с-сука!.. А потом она погибла... Не правда ли, очень странное совпадение? Кто ты, бл*дь, такой?! Какого хрена прицепился к моей семье, тварь?!

Тут я совсем офигел. Оказывается, главным злодеем во всей этой Новоульяновской истории был не Гоша Индия, а молодой комсомолец Петров. По отдельности все эти факты можно было считать простым совпадением. Но если сложить в пазл... То получается, что я пытался прищемить хвост Гоше, но, не добравшись до него, придушил его дочь. Звучит очень убедительно. Я бы на его месте в этом не сомневался. Но есть одно “но”... Очень веское. Не знаю, послушает ли меня обезумевший от горя отец. Попробую...

– Ты думаешь, вчерашний школьник может повернуть

такое? – начал я издалека. – С валютчиками мне повезло, что остался жив, случайно на них напоролся, но меня они ранили. На фабрику я попал по совету соседки, без разряда и образования особо вариантов не было. И Зину не я выбрал. Скорее, наоборот... А в твоём чертовом казино мой друг проигрался. Твои бандерлоги его на проценты посадили и избить хотели, и мне пришлось вмешаться. Слишком много ты ждешь от обыкновенного комсомольца. Такая сложная схема ему не под силу.

– Все так, но ты не простой школьник, – прошипел Гоша. – Ты думаешь, я не знаю, кто ты такой?

Я насторожился. Вечер полон удивлений и открытий. Неужели он знает, что я из будущего? Нет. Не может быть...

– И кто же? – спросил я, но такого ответа никак не ожидал.

– Ты сын своего отца. Яблоко от яблони... Ты такой же, как он. Даже хуже. Умеешь притворяться. Казаться слабым. Выжидаешь момент и бьешь первым...

Епрст-э! Я просто охренел от такого поворота... Гоша знал моего отца?! Мать никогда про него не рассказывала. Избегала любых разговоров о нём. Удивительное дело – в доме не было ни одной семейной (а тем более его личной) фотографии.

Я все шкафы перерыл. Ни одного документа, именной квитанции из химчистки или чего-то подобного. И самое интересное – никто из соседей его не вспоминал. А на мои завуалированные вопросы лишь пожимали плечами. Призрак,

а не отец. С нами он не жил, и вскоре мне стало на него пофиг. Я успокоился и выкинул его из головы. А похоже, что зря...

– Я не помню своего отца, – проговорил я, надеясь, что Гоша что-то прояснит.

Но тот лишь презрительно фыркнул.

– Но есть еще кое-что важное. Твоя дочь – не единственная жертва... – я смотрел Гоше прямо в глаза, пытаясь до него достучаться. – Нашли еще одну девушку. Она погибла раньше. Примерно месяц назад. Молодая, стройная. Как Зина. Ее задушили. Тоже в чаще, но не в парке, а в лесополосе на седьмом километре. Сегодня только обнаружили грибки. Тоже скажешь, я её убил?

– Мне насрать на эту девку! – рявкнул катала.

– А на убийцу? Почерк схожий. Скажи, много на твоей памяти в Новоульяновске было задушено молодых девушек? Просто так... Не чтобы изнасиловать и ограбить? Чувствуешь связь между этими смертями? Она очевидна.

– Три.

– Что – три? – я непонимающе уставился на Гошу.

– Если считать Зину, то она третья... – тихо пробормотал Гоша.

– Как третья? – опешил я. – Вторая же?

– Год назад нашли первую, задушена на набережной была. Ее тогда чуть на моих ребят не повесили.

Вот черт! А я даже и не знал. Хотя откуда я мог знать,

ведь здесь меньше полугода нахожусь. Но память реципиента должна была скормить мне эту информацию. Почему Петров об этом не помнил? Странно. Хотя что же тут странного. Мальчик он был тихий и домашний, газет не читал, телевизор не смотрел. Мог и не знать. Да в полумиллионном городе убийство – явление не редкое.

В семидесятые убийств, конечно, было поменьше, раза в два примерно, точной статистики я не знал. Такая информация сейчас запечатывалась грифом “Секретно”, но убийства случались. И из этого не стремились сделать хайп. Пресса не желтая была, а красная. Цензура четко работала, и СМИ не нагнетали негатив и треш по поводу и без повода, и новости люди смотреть не боялись.

– Про третью жертву не слышал, – сказал я. – А Зину и неизвестную девушку, уверен, убил один и тот же человек.

– Так, может, это был ты? – не унимался Индия.

– Какой мотив тогда?

– Не знаю, – замотал головой Гоша. – Гладко кроешь, Курсант. Думаешь, я тебе поверю? Завтра с тобой разберусь. Свою последнюю ночь ты проведешь в подвале. Заберите его!

Гоша крикнул громко, чтобы подручные за стенкой услышали. Дверь распахнулась, и в комнату снова ввалились два головореза, подхватили меня под связанные руки и куда-то поволокли.

Глава 2

Меня вывели во двор. Мешок больше на голову не надевали. Это плохо. Значит, Гоша определился со своими планами на меня. И они не в мою пользу.

Просторное подворье было огорожено высоченным забором из красного кирпича. Внутри все стандартно: беседка, неработающий сейчас фонтанчик, подстриженные кустики с уже пожухлой листвой, отсыпные дорожки. Дача напоминала генеральскую.

Я вертел головой не из праздного любопытства. Запоминал обстановку и прокручивал в мозгу варианты побега. Если садануть одному ногой в колено (попытаться сустав надломить), второму локтем диафрагму выключить, то можно попробовать дать деру. Но со связанными руками далеко не убежишь. Двухметровый забор никто не отменял. К тому же колено разбить сходу не так просто. Попасть надо точно и сильно.

– Шевелись давай! – чувствительный тычок в спину придал мне ускорение и вывел из размышлений.

Меня подтолкнули к неказистому строению, примыкавшему к дому. Кирпичная коробка напоминала вход в бункер. Железная дверь с массивным навесным замком свидетельствовала о том, что подвал иногда использовался, как тюремная камера.

Настроение моё совсем упало. Я надеялся на ветхий погреб, а из такого укрепления фиг смоешься. Скрежетнула дверь, и меня грубо втокнули внутрь. Я чуть не споткнулся на ступеньках, что уходили вниз, в черноту. Пахнуло сыростью, плесенью и могильным холодом.

Бух! – за мной хлопнула дверь. Лязгнул замок. Я осторожно спустился вниз. Кромешная тьма, как у Тайсона в одном месте. Нужно обследовать “камеру”.

Спустился. Пол, по ощущениям, твёрдый – очевидно, залит бетоном. Выставив вперёд связанные руки, я наткнулся на полки с нагромождением пузатых стеклянных банок. Разносолы, скорее всего. Как и положено в подвале...

Взял одну банку и швырнул на пол. Ноги обдала холодная жижа. Звон осколков в замкнутом помещении показался оглушительным.

Я наклонился и пошарил по полу. Черт! Что-то ощутимо кольнуло. Палец защипало, порезал-таки. Вот и подходящий осколок. Взял его в руки, ощупал и нашел подходящий острый край.

Изловчившись, стал пилить веревку. Несколько раз царапнул запястье. Надо поаккуратнее, вены близко.

Через несколько минут мучений освободил руки. Есть! С облегчением растер кожу и пошел дальше на разведку.

Чуть не треснулся головой о что-то твердое. Поводил руками впереди себя. Что-то, похожее на стеллаж. Потрогал. Как же плохо быть незрячим.

Рама из железного уголка. Полки дощатые. На полках опять банки. А Гоша запасливый!

Смел одним махом банки. Грохот и звон вновь ударили по ушам. Ноги хлюпали в содержимом разбитых банок. Ощупал стеллаж – рама крепится на железный штырь. Уцепился за него и попробовал расшатать. Прут заскрежетал и немного поддался. Сырая кирпичная кладка стены начала крошиться. Сантиметр за сантиметром штырь двигался.

Пыхтел минут двадцать. Получилось. В руках оказался стальной крюк с острым концом.

Наощупь, распиная осколки и соленья, поднялся по ступенькам к двери. Между стальным полотном и дверным проёмом небольшой зазор. Я прикинул примерно, где расположен замок, и стал ковырять кирпичную обвязку. Удалось извлечь один кирпич. Потом второй. Выдохся. Сел на холодный бетон и отдышался.

Полночи я крошил кирпичную кладку. Подвал оказался старым и отсыревшим, и кирпич понемногу сдавался. Наконец, удалось добраться до засова. Только бы никто не услышал.

Щель расширилась. Вот и засов с замком. Прodel в его проушину штырь. Навалился всем телом. Металл натужно заскрипел, но не поддался. Я снова отдышался и даванул со всей дури. Дзинь! Вырвал замок с корнем. Слышно было, как он брякнулся о землю. Есть!

Осторожно приоткрыл дверь. По сравнению с крошечной

тьмой, на улице показалось светло. Прохладный ночной воздух приятно наполнил легкие. После затхлого подвала в нём чувствовался вкус надежды и свободы. Но расслабляться рано.

Я стиснул в руках стальной крюк и стал пробираться к забору. Перемахну через кирпичную преграду и смоюсь.

Огромный дом смотрел на меня черными глазницами окон. Свет горел только на крыльце, остальной двор погряз в черноте ночи.

Надеюсь, собак у Гоши нет. Повезло мне, что он не выставил охрану возле подвала. Золотое правило – узника всегда должны охранять, даже если он заперт и пристегнут наручниками к батарее. Но Гоша – катала, а не матерый бандит. Пренебрег правилом. Да и девяностые еще не наступили...

Шаг, второй, третий... Мягкой поступью кота я вышел на дорожку и замер – в беседке чернел чей-то силуэт. Неприятный холодок обдал спину. Твою мать! Там явно кто-то сидит...

Я стоял и не шевелился. Вглядывался в черноту, будто надеялся, что силуэт растворится. Почему он не шевелится? Не слышал, как я ковырял дверь подвала? Если полезу через забор, неизвестный явно меня заметит и поднимет тревогу.

Я повертел в руках крюк. Что ж... Придётся пойти на крайние меры. Я крался к беседке, как лев к антилопе. Даже дыхание задержал. Сердце стучало слишком громко. Казалось, что его слышно на весь двор. Надеюсь, у добычи нет

пистолета...

Шаг, другой... Под ногами предательски скрежетнули камешки. Я вновь замер. Дьявол! Пригляделся. Человек (теперь я отчетливо видел его спину) не шелохнулся. Странно...

Вытер рукавом пот со лба. На улице прохладно, но от напряжения я буквально взмок.

Еще несколько шагов получилось сделать бесшумно. Вот уже до неизвестного осталась пара-тройка метров. И тут я узнал его. Спиной ко мне и к открытой стене беседки сидел человек в знакомом ворсистом халате. В одной руке он держал бокал. В другой тлеющую сигарету. Гоша Индия заливал свое горе.

Я перехватил крюк поудобнее, целясь острием ему в затылок. У меня будет только один удар. Иначе на крики сбегутся его гориллы. Задержал дыхание и осторожно переставил ногу.

– Ты правда хочешь это сделать? – спокойный голос Гоши пронзил, словно током.

Я вздрогнул и встал, как вкопанный.

– Ты хочешь меня убить? – продолжил он, не оборачиваясь, отхлебнул из бокала и лишь после этого повернулся ко мне.

В его потухшем взгляде читалась смертельная усталость. Лицо, казалось, еще больше осунулось, а черты заострились. Как у мертвеца.

– Ты не оставил мне выбора, – я стискивал пальцами крюк, готовый в любой момент кинуться на него.

Но меня останавливал его спокойный тон и безразличное выражение лица. Что за игру он затеял со мной? Какого хрена не зовёт охрану? Получается, он слышал, как я к нему подбираюсь. Пистолета у него не видно.

Гоша наполнил бокал из квадратной бутылки и протянул мне.

– Ты её хорошо знал? Выпей...

Я подошел ближе, крюк держал наготове, захватив его одной рукой. Вторую протянул и осторожно взял бокал. Гоша снова хлебнул, на этот раз из горла бутылки.

Я поцедил немного напитка, не сводя глаз с противника. Первоклассный вискарь. Даже молодую и непривычную к крепкому алкоголю глотку не обжег. По жилам разлилось приятное тепло.

– Я хорошо знал Зину... – отпил немного еще, косясь на Гошу и следя за каждым его движением.

– Ты правда думаешь, что ее убила та мразь, что и девушку в лесополосе?

– Уверен, – кивнул я. – Три жертвы... Это не совпадение, так не бывает. Возможно, есть и еще убитые. Просто трупы еще не нашли.

Гоша стиснул бокал и процедил в адрес неизвестного убийцы:

– Закопаю тварь...

Видно, что сидел он в беседке давно. На деревянном полу куча окурков. Он сидел и размышлял над моими словами. И до него, наконец, дошло, что я не убийца. Гоша оказался не дурак. Слава богу...

– Серийного убийцу тяжело найти, – я отбросил в сторону крюк.

– Откуда ты знаешь? – ухмыльнулся Гоша. – Ты даже не мент. Хотя... Есть в тебе что-то... От отца.

– Ты знаешь, где он сейчас?

– Нет.

Я больше не стал расспрашивать каталу о своём отце, он явно не хотел разговаривать на эту тему. Сейчас ему было совсем не до этого. Он думал, что поймал убийцу дочери и тешил себя скорой мстью, но его версия рассыпалась, а впереди маячила неизвестность, душила злоба. Тихая ярость перерастала в бессилие и заставляла умирать заживо.

Гоша встал и швырнул на стол ключи от машины:

– За воротами Волга, город в той стороне. Когда доедешь до дома, оставь ключи в бардачке. Водить умеешь?

– Разберёмся, – кивнул я.

* * *

Домой добрался, уже когда начинало светать. Осторожно открыл квартиру и прокрался в ванную. Мать не заметила моего отсутствия и мирно спала, я в последнее время часто

задерживался на работе.

Скинул извозюканную в подвальной грязи одежду, сразу замочив её в тазу, а сам залез в ванну под тёплый душ. Болели ребра и челюсть. Но вода привела меня в чувства.

Завтра позвоню Паутову, скажу, что заболел, отлежаться надо. Денёк пропущу, отосплюсь и соберусь с мыслями.

Ночка выдалась слишком насыщенной, многое перевернулось в сознании. Загадок стало еще больше. К главному вопросу об убийстве Зины добавился еще один квест. Кто на меня напал тогда во дворе? Гоше незачем было врать. Если это были не его люди, то кто? И где они сейчас? Получается, у меня есть враги, о существовании которых я не знаю? Чёрт! Мутная какая-то история получается... Но ничего. Разберёмся. И не такие клубки распутывать приходилось.

Я вылез из ванны и обтёрся махровым полотенцем. Посмотрел в зеркало. На челюсти вздулась синеватая шишка. Других видимых повреждений нет. Как всегда, скажу, что упал.

Зашёл на кухню. На газовой плите с невзрачной надписью “Лысьва” стояла еще чуть теплая эмалированная кастрюля. Приоткрыл крышку и вдохнул аромат щей из свежей капусты с укропчиком. Только сейчас я понял, как дико хочу жрать. Налил большую чашку и, не разогревая, слупил с краюхой черного хлеба. Всё... Спать.

– Разрешите, Аристарх Бенедиктович? – я постучался в кабинет Паутова и, не дожидаясь ответной реакции, вошёл.

Спрашивать разрешения войти – было лишь формальностью. Никто никогда из сотрудников не дожидался разрешения.

И Паутов на такие вопросы не отвечал, просто кивал на стул у стены, чтобы посетители прижали зад и начинали “жаловаться” своему начальнику.

Кому-то отпроситься надо, на кого-то следак из-за сроков экспертизы давит, кто-то с операми повздорил потому, что те притащили слишком много терпил и свидетелей на откатку пальцев. Бывало, чтобы отработать один никчемный след пальца, изъятый с места преступления, приходилось дактилоскопировать целую строительную бригаду (причём несколько смен), что работали на стройке, где кирпичи подрезали.

Паутов всех выслушивал и, если надо, разруливал междоусобные тёрки через звонок начальнику следствия или розыска. Своих в обиду не давал, но кляузы и беспричинный поклёп не поощрял. Не смотрел на ситуацию однобоко. Не так, что все прочие службы – челядь, а мы белая кость (хотя на самом деле, зачастую, так и было, мало в УВД людей с высшим образованием, многих вчерашних передови-

ков-комбайнеров и сталеваров направили работать по комсомольской путёвке), а вникал в суть, примеривая роль Третьского судьи.

Но я пришёл не жаловаться и даже не за советом...

– Выздоровел? – начальник разглядывал меня, ища признаки болезненности в моем потрепанном виде.

Вчера, по понятным причинам, пришлось “прогулять” работу. Денёк-другой Паутов давал сотрудникам протюлентиться и без больничного. Если, конечно, причина уважительная или похмелье после профессионального праздника.

– Да нормально, отлежался маленько, – кивнул я.

– Что с лицом?

Синяк на челюсти я попробовал замазать тональным кремом матери, но шишка предательски выступала, искажая симметрию моего пролетарского контура лица.

– Упал, Аристарх Бенедиктович. В подъезде на ступеньках кто-то банку со сметаной расхвостал. Скользко до жути. Не заметил.

– Сметану белую... И не заметить? – конечно, он мне не поверил, но дальше ковырять не стал.

Перегаром от меня не несло, стало быть, в пьяном дебоше не участвовал и в других непотребствах пока замечен не был. Как-никак это мой первый вынужденный прогул, а до этого – доблестная служба длиною в несколько месяцев без единого опоздания.

– Говори, что надо, – Паутов прищурился, отхлебывая чай

из гранёного стакана в серебристом узорчатом подстаканнике.

– Я хотел узнать, были ли еще подобные убийства девушек путём удушения? Рогова была не первой. Слышал, что кроме той, что в лесополосе нашли, год назад ещё труп был.

– Было дело, – кивнул Паутов. – А тебе зачем?

– Ну как же? Если есть связь между преступлениями, значит, можно отследить почерк убийцы, а это может указать на его особенности. Выделить его из общей массы, так сказать. Поможет мотив понять. Что тоже круг подозреваемых сузит.

– О как, – Паутов приспустил очки и вздернул седые брови. – Рассуждаешь, как бывалый опер, когда успел нахвататься?

– Детективы люблю смотреть, "Следствие ведут ЗнаТоКи" не пропускаю. Мой любимый многосерийный фильм. Всегда хотел научиться на скрипке играть и преступления расследовать.

– Ровно год назад обнаружили убитую девушку в рощице на набережной. Серёжки золотые при ней были. Сексуального насилия нет. Обычная студентка из обычной семьи. Задушена верёвкой или чем-то подобным. Преступление так и осталось нераскрытым.

– Но это же серия получается? Вы же понимаете?

– Я – да, но не нам с тобой решать, объединять дела или нет. Этим прокуратура занимается. Сам понимаешь, лишний шум ни к чему. Город у нас хоть и немаленький, но ти-

хий и спокойный, как Простоквашино. Смотрел мультик? Новый, в этом году только вышел. Так вот, там в одном доме уживаются и пес, и кот, и птичка с мальчиком. А всё почему? Не знает пёс, что должен гонять кота, а кот не знает, что может сожрать птичку. И всем хорошо...

– Вы хотите сказать, что ради общественного спокойствия прокуратура будет мухлевать с делами и не усмотрит серию?

– Не прокуратура, – Паутов многозначительно ткнул пальцем в потолок. – Такие вопросы через партийцев и Москву решаются. Представляешь, что с городом будет, если объявят, что у нас маньяк завёлся? Но после третьей жертвы уголовные дела они, конечно, объединят. Выхода другого нет, но афишировать не будут. Опера не дураки, давно поняли, что один человек орудует, но начальнику розыска сверху уже намекнули, чтобы по отчетам и коллегиям преступления проходили, как единичные. Одно в прошлом году, два в этом. И ты не лезь в это дело.

– Но мы, как криминалисты, можем участвовать в разработке версий, – не унимался я.

– Андрей, против системы не попрёшь. Тем более, слесарю это сделать трудно. Я всё понимаю, но будет отмашка сверху, мол, признаем, один убийца, одно уголовное дело – тогда другой разговор. А пока расследуем разные убийства, но принимаем во внимание, что убийца один. Хотя, есть вероятность, конечно, крайне низкая, что преступления не связанные. Но я сам в такое не верю...

– Понял, Аристарх Бенедиктович, разрешите идти?

– Иди, но... Если тебя так волнует это дело, зайди к химикам. Там волокна они исследуют. Что на одежде жертв нашли, которые за волосы приняли поначалу. Потом мне доложишь.

– Есть!

* * *

– Тук-тук! – я открыл дверь химической лаборатории, она же была одновременно и кабинетом “братьев-химиков”. Просторное помещение, заставленное столами и шкафами с банками с реактивами. В углу примостился вытяжной шкаф.

Сегодня здесь был лишь один из вечно молодых и вечно пьяных. Второй химик наслаждался отпуском и напивался дома.

Меня встретил сухонький мужичок с грустными, как у мамонтёнка, потерявшего маму, глазами. Растрёпанные усы напоминали изношенную обувную щётку. Отросшие патлы уже седеющих волос смотрелись несуразной копной.

Максим Сергеевич, по прозвищу Мензурка, скользнул по мне безразличным взглядом и уткнулся снова в окуляры громоздкого микроскопа.

– Здорово, Сергеич, – я протянул руку. – Что грустный такой? – я втянул воздух ноздрями, приняхался: ни свежака, ни перегара, обычно витающего здесь, не почувствовал. –

Трезвый, что ль?

– Ага, – тот апатично протянул вялую и сухую, как вобла, ладонь.

Я пожал её, в ответ ладонь химика лишь слабо трепыхнулась:

– Случилось что?

– Случилось, – Мензурка вздохнул, оторвался от микроскопа и расправил мятый белый халат, будто его можно таким образом погладить. – Язва случилась... Нельзя мне теперь пробы снимать.

– Когда это язва тебя останавливала?

– Неправильно выразился я, Андрюша. Две язвы у меня.

– Это как? – я озадаченно уставился на страдальца, недоумевая, почему он еще не на больничном, с двумя-то язвами (а разве бывает две язвы?).

– А вот так, – всплеснул руками Сергеич. – Одна в желудке, а вторая – жена. К теще съехала, стерва... Сказала, пока не завяжу, не вернется...

– Ну, да... – кивнул я. – Но ты пойми, Сергеич. В размолвке всегда двое виноваты. Жена и тёща. А с язвой не шути, возьми больничный, в госпитале лежи.

– А работать кто будет? Выйдет напарник, там посмотрим. А ты чего пришел-то? Спирту отлить?

Глава 3

– Ты же знаешь, Сергеич, что за спиртом я не ходок. Лучше скажи мне, что там по волокнам, которые на одежде убитых девушек нашли?

– А вот это самое интересное, – Мензурка многозначительно поводит в воздухе указательным пальцем и выжидающе посмотрел на меня.

В подобные моменты он старался быть похожим, как минимум, на пророка, хотя больше напоминал одержимого профессора.

Я молча смотрел на химика и ждал. Он не выдержал и продолжил:

– Волокна эти оказались из синтетики. Идентичные и на Коробейниковой, убитой в лесополосе, и на Роговой, которую нашли в парке.

– Из чего конкретно они? Смог установить?

– Я же эксперт, а не НИИ текстильной промышленности. Посмотрел под микроскопом, по спектру установил, что у нас в Союзе такие искусственные волокна не производят.

– Это точно?

– Абсолютно! Ведь у нас синтетики раз-два и обчелся: нейлон, лавсан, кремплен и капрон. Но эти волокна другие...

Я озадаченно почесал затылок. А вот это уже зацепка. Теперь прокурорские дела вынуждены будут объединять. Ни-

куда не денутся.

– Ты заключение кому-нибудь показывал?

– Нет еще заключения, я тебе метеор, что ли? Только вчера вечером экспертизу назначили. С утра приступил, можно сказать, что ещё всё в разгаре.

– Ладно, только в выводе не забудь написать об общности происхождения волокон.

Мензурка скривился:

– Андрюха, ты ещё будешь мне говорить, как заключения писать? Не учи учёного. Конечно, напишу. Но только дам совпадение по общим признакам. Конкретно не могу указать, потому что природу волокон так и не выяснил.

– По общим? Это как?

– Ну, вывод будет в вероятной форме, мол, волокна предположительно произошли из одного источника.

– Пойдёт, – кивнул я. – Пиши, Сергеич, пиши. И не пей больше. По крайней мере, пока заключение не наклепаешь... И язву не вылечишь.

– А тебе что за дело до этого заключения? С утра уже Паутову из трёх мест позвонили, спрашивали. И ты ещё интересуешься...

– Из каких мест? – сразу насторожился я.

– Из областной управы, из прокуратуры и откуда-то ещё. Забыл, из головы вылетело. Тяжелая у меня сегодня голова. Подлечиться бы, но не могу...

– На пенсии полечишься, а сейчас "арбайтен", – улыбнулся.

ся я и вышел, ловя напоследок “проклятия” Мензурки, мол, молодой ещё, чтобы таким опытным зубрам указывать, где их стойло.

Насчёт опыта не спорю. Его, как известно, портвейном не зальёшь, с одной стороны, а вот с другой – пропить враз можно. Мозги атрофируются так, что не только навыки по работе забудешь, а вообще, облик хомо сапиенса потеряешь. Были, знаете ли, прецеденты, что и профессора в синей яме превращались в неандертальцев.

Я снова направился к Паутову. Доложу-ка ему по волокнам и заодно намекну, что неплохо бы их направить в какой-нибудь профильный НИИ на экспертизу (не зря же Мензурка текстильную промышленность поминал всуе). Такой в Москве наверняка имеется. Думаю, мужик он не дурак, сам следователю подскажет такой вариант, но на всякий случай подстраховаться надо. Вдруг здесь не принято исследовать объекты по полной. Не получилось и ладно. Как говорится, не позволила материально-техническая база.

Помню, как в мою прошлую бытность мы в скользких и громких делах до самой Академии Наук доходили. Однажды случай вообще вопиющий был. Нашли новорожденного мёртвым в мусорном баке. Роженица, тварь, избавилась. У тысяч женщин тогда образец ДНК отобрали, проверяли на родство. Но без толку, пока в Академию наук не обратились. У них там свои заморочки по исследованию ДНК человека в контексте национальностей и происхождения. Этногенез на-

зывается. Так вот, вышел я там на одну профессоршу, что докторскую по этой теме защитила, объяснил ситуацию, и договорились мы с ней о помощи нам.

Отправили ДНК младенца туда и получили результат, что мать с вероятностью семьдесят процентов происходит из одной небольшой этнической группы. Не буду говорить, какой. Такие “этноты” массово приезжали в наш город поступать в пединститут. Дело приняло новый оборот, оставалось только проверить всех подходящих студенток. Их оказалось не так много, и вскоре мамашу-убийцу мы вычислили.

На обед пошел в нашу столовую. Уже в очереди, задумавшись над делом, задержал очередь и очнулся, когда услышал за спиной язвительный девичий голос:

– Эй, неуклюжий, ты, наконец, проснулся?

Я обернулся. За мной стояла молодая работница канцелярии. В управлении она снискала репутацию стервы и была до сих пор не замужем.

– Девушка, это вы мне? – спросил я, хотя понял уже, что мне.

– А тут больше никто не спит, – скривилась канцелярша.

– Что же у вас настроение такое? Начальник с утра наругал, и вы на людях срыгаетесь?

– Тоже мне, умник...

– Да, я такой! – и решив поставить точку в этом деле, крикнул на раздачу. – Тетя Клава, дай мне молока с булочкой, да пойду я на печку с дурочкой!

Стоящие в очереди молодые пэпээсники заржали сразу всем табуном. А тётя Клава незлобливо посоветовала девушке:

– Ты не смотри, что парнишка мал еще, он уже медаль нашу имеет и ранение. И вообще – орел!

А так, день прошел рутинно.

* * *

– Андрей, что это за пуговица? – спросила мать, держа в руках маленький золотистый предмет. – Я гладила твои брюки, а там это. Она тебе нужна или выбросить?

– Какая пуговица? – не понял я, спешно натягивая рубашку (на работу уже маленько опаздывал).

Мать протянула руку, на ее красноватой ладони лежала та самая пуговица, что я нашел возле места происшествия в лесополосе. Блин... Хотел же Гале Федоровой ее отдать, чтобы в протокол внесла и оформила изъятие. Но приехал Паутов, отвлёк, и из головы вылетело.

Ну и ладно. Скорее всего, находка не имеет отношения к убийству. Не возле трупа же валялась. Но выбрасывать её пока не буду. Пусть полежит до лучших времен.

Я взял пуговицу с ладони матери и улыбнулся:

– На дороге нашел. Такую красоту выбрасывать жалко...

– Ох, Андрюша, – улыбнулась в ответ мать. – Ты, как со-рока. Блестяшки в дом тащишь. С детства всегда был таким.

Помню, найдёшь на улице пробку металлическую от бутылки или осколок стекла зеленый – и в карман скорее. Потом возле песочницы всё это добро закапывал, говорил, что это твой клад.

Мать привстала на цыпочки и чмокнула меня в макушку. В последнее время она расцвела. Под глазами исчезли круги, даже морщины немного на лице расправились. Ей больше не приходилось пахать на двух работах. Мой небольшой, но стабильный заработок, как оказалось, вносил ощутимую лепту в семейный бюджет. Даже оставалось ещё. Я откладывал помаленьку. Раньше-то за собой никогда такого не замечал.

Не мог деньги копить. Как говорится, бабки карман жгли. Спокойнее себя ощущал, когда пустой был. Нет денег – нет проблем. А тут я немного в этом плане поменялся. Либо среда на меня так действует, либо есть некоторое влияние реципиента. Да какая разница? Главное, что из двух людей (Нагорного и Петрова) с кучей недостатков у каждого получается третий, лучше.

Мать крутилась перед трельяжем, сегодня она надела новое платье. Такой трельяж был почти в каждой советской квартире. Не знаю, почему они пользовались большой популярностью. Смотреть на себя сразу с трех сторон любили только стилисты и модницы. Еще некоторые девушки делали замысловатые прически, накручивая локоны с помощью такого хитрого зеркала. Большинство же людей никогда не

пользовалось преимуществом многомерного устройства.

– Красавица ты у меня, мам, – сказал я. – Замуж тебе бы... А?

– Ты что? – замахала руками мать. – Разве нам с тобой вдвоём плохо? Не нужен нам никто.

– Нам – нет, – хитро прищурился я. – А тебе бы не помешало... Не вечно же я буду здесь жить.

– Вот переедешь, тогда и подумаю.

– Уже выгоняешь? Сколько у меня есть времени?

– Ты, что сынок, живи сколько хочешь!

– Да шучу я, мам... А, ты про жениха-то все-таки подумай... Пока молодая.

– Ой, молодую нашел. Иди уже, на работу опоздаешь...

* * *

Телефонный звонок оторвал меня от домашнего ужина.

– Андрюша, это тебя, – трубку взяла мать.

– Кто там? – удивился я.

Кроме Быкова мне никто не звонил. Но с Тохой мы только что вместе были на тренировке. С чего бы ему опять меня искать?

– Не знаю, – пожала плечами мать, протягивая мне трубку. – Не спросила. Не привыкла еще к телефону.

– Алло, – недовольно буркнул я (после интенсивной тренировки так хотелось доест плов из правильного, рассып-

чатого риса).

– Андрей! – радостно затараторил голос на другом конце провода. – Привет! Совсем потерялся!

– Илья? Ты...

– Ага! Слушай, приходи на КВН. Мы в ДК Железнодорожников выступаем. Там четыре команды будет. За полуфинал бьёмся.

– Спасибо, а когда?

– Завтра, в субботу, начало в четыре. Придёшь?

– Постараюсь, – уклончиво ответил я, перебирая в мозгу планы на завтра. Всё стандартно: тренировка, после с Быковым по пивку, потом собирались на танцы сходить, в уже другой ДК. А то что-то засиделся я “в девках”. Скоро нимб над головой вырастет на пару с крылышками.

– Никаких "постараюсь", – приказал Трошкин. Блин, КВН его определенно поменял, стал раскрепощеннее, и на своем настоять умеет. – Приходи, я тебя бесплатно проведу.

– Да я с другом договорился на завтра встретиться, – сделал я последнюю попытку отмазаться.

– И друга бери, обоих проведу. Всё, давай, я с автомата звоню. Тут уже очередь за мной, и бабка какая-то клюкой в будку долбит. В пятницу вечером всем приспичило вдруг звонить. До завтра.

– Хорошо, приду, пока.

Я повесил трубку и подумал над предложением Ильи. КВН – тоже неплохо. И девушки там будут. Тем более, что

на танцах они, в основном, уже с парой. А тут стайками студентки прилетят. Ладно. Уговорил Трошкин. Чертяка... Заодно и его повидаяю. Как он там без “папки”? Судя по голосу, нормально...

* * *

С Быковым встретились на троллейбусной остановке. Он пришёл, но поглядывал по сторонам, будто в поисках путей отступления, будто всё ещё сомневаясь, ехать со мной или нет. Уж очень привык по субботам пивком баловаться. А тут трезво-культурное мероприятие намечается. Я затолкнул его в «кузнечик», и через пяток остановок мы вылезли возле нужного ДК. Солидное, недавно отгроханное здание вмещало в себя зрительный зал почти на тысячу мест и кучу вспомогательных помещений, большую часть которых заняли самодельные коллективы.

Мы прошли в зал и уселись на боковушки для «бесплатников».

Заиграла знакомая музыка. На сцену вышли парни и девушки и запели:

«В урочный день,
В урочный час
Мы снова рады видеть вас...»

Пока что гимном КВН была эта песня. Ее сменит “Мы начинаем КВН”, но это будет позже, в восьмидесятые. Когда игру вновь разрешат транслировать на первом канале.

– Не люблю оперу, – поморщился Быков, глядя на сцену.

– Какая это тебе, на хрен, опера? – шикнул я на него. – Это начало только, музыкальная заставка, так сказать. Тут нет оперы, тут как в театре, только намного смешнее. И спектакль не один, а несколько и от разных команд. Еще оценки за выступления ставят. В театре был хоть раз?

– А как же, – важно кивнул Антон. – Давно, правда, в детском саду еще. Нас в кукольный театр на сказку водили. Два раза...

– Я смотрю, ты театрал еще тот, так что заткнись и смотри, а то люди уже косятся...

На сцене как раз выступала команда фабрики музыкальных инструментов. Назвали они себя незамысловато. Ведущий, похожий на Маслякова (а может, это он и был) объявил: “На сцене команда КВН «Мясорубка юмора». КВН-щики выскочили на сцену с девизом: «Маш, марш делать фарш!»

Простенькие, но ламповые шутки из моего детства, без политики и похабщины, умиляли. Сидел и наслаждался представлением, ни о чем не думая.

Быков тоже был в восторге. Хлопал своими лапищами громче всех. Мне даже чуть-чуть отодвинуться от него пришлось. Чтобы дать волю его эмоциям.

Трошкин не был звездой и, в основном, светился на вторых ролях. В этом сияющем человеке уже трудно было узнать того затюканного клерка, который раньше не мог при разговоре даже смотреть в глаза. Интересно. Как у него со Зверевой? Есть подвижки? Кстати, надо не забыть спросить...

В итоге победила команда мединститута, почти целиком девчачья... Выступали девушки в белых, укороченных до линии приличия, халатиках, сразу вскружив головы жюри, собранное из пузатых солидных мужчин и заслуженных деятелей культуры и искусства нашего города.

После представления Трошкин сам отловил нас в холле:

– Куда собрались? Давайте к нам, посидим немного...

– Куда это – к вам? – поинтересовался Быков.

– Мы в гримёрке собираемся отметить! Победу!

– Трошкин! – удивился я. – Так вы же продули!

– Я же не говорил, что нашу победу, – загадочно улыбнулся Илья. – Там несколько команд будут. И медички...

– Э-э-э... Какие медички? – приятно удивился я. – Ты же за Зверевой ухаживаешь?

– Одно другому не мешает, – подмигнул Трошкин. – Пошли...

– Наш человек! – одобрительно хмыкнул Быков.

Илюша потянул меня за рукав. Вот пострел... Взрастил я “монстра”! Мы попетляли какими-то ”катакомбами” и очутились в корпусе с коридором и множеством комнат. Из-за

одной из дверей доносились заразительный смех и веселые голоса.

Трошкин дёрнул ручку, пропуская нас внутрь. Гримёрка представляла собой огромную комнату со столиками и неказистыми зеркалами на них. Типа мини-трюмо. Повсюду одежные вешалки-треноги, какие-то ящики (очевидно, помещение еще использовалось, как склад), расшатанные стулья.

Разношерстный народ, преимущественно возраста от Лермонтова до Пушкина, скучковался вокруг импровизированного стола, который соорудили, сдвинув несколько ящиков неизвестно с чем. Из угощений были разложены пирожки, купленные в местном буфете, сырки “Дружба” и деликатес: батон «Докторской», порезанный на дольки. Водки оказалось гораздо больше, чем закуски: отдыхали по-студенчески.

Кто-то встал и решил блеснуть остроумием, выдав тост из “Кавказской пленницы”:

– Так выпьем же за то, чтобы каждый из нас, как бы высоко он ни летал, никогда не отрывался бы от коллектива!

Далее последовали аплодисменты тостующему, которые перекрыли задорный звон гранёных стаканов. Из них пили и водку, и вино. Универсальная посуда, лучшее изобретение Советского Союза.

– Садитесь, – улыбаясь, Трошкин пододвинул к “столу” очередной ящик.

Мы с Быковым еле вместились. Нам тут же налили штрафную. Двойную дозу из прозрачной бутылки с красной этикеткой: “Столичная”.

– Знакомить вас со всеми не буду, – сказал Трошкин, – всё равно не запомните, да и я большинство присутствующих не знаю.

Следующий тост был за победителей сегодняшней игры. После него медичкам неистово хлопали, особенно старалась команда литейщиков из политеха. Они уже оккупировали белохалатниц, протиснулись к ним поближе и не забывали вовремя подливать им вина.

Шутки и смех не прекращались ни на секунду. Давно не был я на таких посиделках. Со студенчества, наверное, и не был...

Были и песни. Куда же без них. Молодой врач, а может быть, интерн, на вид нет ещё и тридцати, кстати, единственный мужчина в команде мединститута, взял гитару. Подкрутил колки, настроил и провёл по струнам.

Разговоры вмиг прекратились. Все с интересом уставились на гитариста со смешными, не по возрасту густыми черными усами. Несмотря на молоджавость, на его макушке уже обозначились залысины. Лицо мне его показалось знакомым.

Врач запел. Песня про казака показалась до боли знакомой и брала за душу... И голос с хрипотцой. И тембр знаком...

– Кто это? – спросил я Трошкина.

– Это в мединститут приехал врач из Ленинграда. Или что-то ведет у них, или по обмену опытом, я так и не понял. Прибился он временно к их команде КВН, пока здесь в командировке. А что?

– Да голос его мне знаком, будто где-то я его раньше слышал.

– Не-е, – замотал головой Трошкин. – Не мог ты его раньше слышать, он приезжий и здесь недавно. И фамилия у него такая странная. Забыл... Э-э... Помню только, что на “бум” кончается.

– Розенбаум?

– Ага, точно! А ты откуда знаешь? – уставился на меня Трошкин.

– Угадал просто, – пожал я плечами. – Слушай песню, пока бесплатно. Уверен, что в будущем, люди будут деньги платить, чтобы попасть на его концерт.

– Ну ты фантазёр, – улыбнулся Трошкин. – Да среди КВН-щиков каждый второй на гитаре брякает. Если бы каждый становился знаменитым, слушателей бы на всех не хватило...

* * *

Утренний луч настойчиво пробивался через веко. Я с неохотой и огромным трудом разлепил глаза. После вчераш-

него во рту традиционно напакостили домашние питомцы. И такое ощущение, что ещё и крупнорогатый скот прошёлся.

Незнакомый потолок хитро улыбался мне посеребрившими разводами известки. Дико иссушённое нёбо требовало воды. Ухо определило, что рядом кто-то сопит. Повернув голову, я тут же пожалел, что сделал это необдуманно резко. По вискам ударил молот Тора. Вот чёрт... Хорошо вчера посидели...

Вплотную ко мне на пружинной кровати привалилась спящая девушка. Белокурые волосы раскиданы по подушке. Довольно милое личико, и не думает просыпаться.

Откинув одеяло, осмотрел себя. Так и думал. Сбросил пар, только не помню ни хрена. Надо напрячь мозг. Помню, как вчера пошли с Быковым в гости к КВН-щикам. Как лезли по водосточной трубе на второй этаж общаги, чтобы миновать вахтёрский погранпост. Как забурились в какую-то комнату, где продолжили отмечать победу. А дальше сразу утро. Блин. А самого интересного и не помню, считай, что и не было! Ну ё-мое...

С другой стороны, если сегодня стыдно за вчерашний вечер, значит, праздник удался. Я потихоньку встал и, не делая резких движений, собрал раскиданные по полу вещи, оделся.

Пора валить. Мать, наверное, волнуется. Хорошо сынок на КВН ходил. Интересно, где Быков? Ведь кроме меня и девушки в комнате никого нет. Еще две кровати пустовали.

Выйдя в коридор, я с деловым видом пошлёпал вниз.

Главное, мимо вахты проскользнуть и на коменданта не напороться.

На первом этаже за стеклом сидела бабулька. Вертела головой, как сова на охоте. Мои надежды, что вахтёрша будет дремать (в фильмах-то всегда так показывают) не оправдались. Не учли в фильмах, что люди в возрасте в принципе мало спят, даже в собственной постели, не говоря уже о том, чтоб на посту.

– Вы откуда, молодой человек? – бабулька сделала стойку и готовилась перехватить лазутчика.

– Горгаз, проверка узлов! – деловито кивнул я и прошёл мимо.

Старушка расстроено кивнула в ответ, утро прошло впустую – ни одного нарушителя! Удручённо села на стул, и только потом до неё дошло, что газопровода в общежитии нет!

Глава 4

Спокойная жизнь криминалистического отдела в это прекрасное утро нарушилась громогласными возмущениями неизвестного посетителя.

Выглянув из лаборатории, я увидел, как участковый Осинкин махал руками, словно ветряная мельница, и с жаром что-то рассказывал кивающему рядом Паутову:

– А где я их возьму, Бенедиктыч! У меня на участке много кто самогон гонит, но продают единицы! А начальство трясёт за сбыт! Вынь, блин, да положи! А как я сбыт оформлю, если они только своим алкашикам продают? Подсылал раньше подставных, да только теперь дурных нема! Не продадут им больше. А меня Губарев трясёт, чтобы два сбыта самогона в этом месяце сделал. Что за палочная система, Бенедиктыч? Не было же такого в милиции раньше...

– А я тебе говорил, Петя, – назидательно поучал Паутов. – Ко мне надо было устраиваться. В эксперты...

– И что бы я здесь делал? – всплеснул руками покрасневший Осинкин. – Пальчики катал да чай тебе заваривал? Я ж бригадир бывший. С людьми люблю работать. На свежем воздухе... Не моё это, как крыса в лаборатории сидеть и на улицу нос не казать. Извини, Аристарх, но по участку бродить мне милее.

– Вот и броди, – усмехнулся Паутов, – а по кварталу выго-

вор схлопочешь за отсутствие работы по пресечению самогонварения.

– Злорадствуешь, да? А ещё товарищ называется. Я ж к тебе за советом пришел. Подскажи, как самогонщиков прищучить?

– А я откуда знаю? – удивился Паутов. – Я эксперт.

– Во-о... – Осинкин многозначительно поднял указательный палец вверх. – Как говорил кто-то из классиков: “Эксперт – это звучит гордо”... К вам же всё УВД бежит советоваться. Сколько раз слышал, когда кто-то в тупик заходит, ему говорят: “Спроси у экспертов”.

– Мне, конечно, приятно слышать, что служба наша в таком почёте, но в проверочных закупках я не силен.

– Ладно, – удрученно махнул рукой Осинкин и протянул опечатанную бутылку. – Возьми на исследование жидкость...

– Ну, вот, – Паутов взял бутылку и повертел в руках. – А говоришь, проблемы с изъятием.

– Конечно, проблемы, – понизил голос Осинкин. – Это мой самогон. Жена делала. Ну и запах, конечно...

– Как – твой? – Паутов потрянул головой так, что очки чуть с носа не сползли.

Он вовремя их подхватил и водрузил на законное место.

– А так. Приходится вертеться, – вздохнул Осинкин, промакивая лоб носовым платком. – Оформлю, как добровольную выдачу, на какого-нибудь алкаша. Всё ж какой-никакой

результат. Не сбыт, конечно, но дышать пока смогу.

Паутов хотел что-то сказать, но Осинкин увидел меня и воскликнул:

– О! Андрюха! Иди сюда!

– Здравствуй, дядь Петь, – я подошел к ним. – Что расшумелся?

– Придумал! – хлопнул себя по лбу Осинкин. – Бенедиктыч, одолжи мне Курсанта.

– Зачем это? – Паутов напрягся.

– Он молодой, и рожей, пардон, лицом на сотрудника пока не тянет, закуп будет делать.

– Ну так-то на алкаша я тоже не очень похож, – вмешался я.

– Да хрен с ним, с алкашом, – прервал меня Осинкин. – Молодежь тоже иногда покупает. Как раз те, кому в магазине водку не продают. А Петров как раз на старшеклассника похож. Вот только рубашку надо попроще надеть. А то какой-то ты, Андрюха, солидный смотришься. Настоящий эксперт. Есть что пообтрепаннее?

– Найдем, – кивнул я.

– Вообще-то, – скривился Паутов, – я своего согласия не давал.

– Ну ты, что? Бенедиктыч! Товарищу не поможешь? – жалобно протянул участковый. – С меня рыбалка. Поехали в субботу на зорьку. Место одно знаю, там лещей руками ловить можно.

– Не сезон уже для лещей-то, – недоверчиво возразил мой начальник.

– Там всегда сезон. На прошлых выходных во-о-т такого вытащил.

– Врешь ведь?

– Тёщей клянусь, Бенедиктыч! Такого поросенка подсёк, что еле выудил. Чуть лодку мне не опрокинул.

– Ладно, сказочник, – Паутов снисходительно скривился. – Забирай Курсанта в своё распоряжение на день. Если он, конечно, не против.

Я, естественно, был не против, кабинетно-лабораторная работа уже начинала приедаться. Вроде, хорошо, тепло и мухи не кусают. Но я с Осинкиным согласен. Тоже с людьми привык общаться. И ножками работу делать, а не задницу об стул просиживать.

– Конечно, согласен, – кивнул я. – Тем более, дядя Петя мой участковый. Как же не помочь своему участковому?

– Спасибо, Петров! – Осинкин схватил обеими руками мою ладонь и потряс.

Мол, ух! Держитесь, самогонщики... Курсант в деле!

* * *

Тук-тук-тук! – побарабанил я по двери, обшитой потрескавшимся дерматином.

В подъезде пахло прогорклым табачным дымом и коша-

чьей мочой. А может, вовсе не кошачьей. Видно, что подъезд часто посещали маргинальные элементы. Вполне себе “проходной притон”.

За хлипкой дверью раздались шаркающие шаги. Светлое пятнышко глазка потемнело. Ага... Злодей смотрит на гостя... Продавать ему самогон или нет. На этаж ниже притаился участковый Осинкин. Дядя Петя напялил спортивный костюм. Когда-то, наверное, он был ему впору, но теперь его арбузный живот плохо вписывался в олимпийку. Растягивал её в районе талии до диаметра фляги. Смотрелось очень эпично, хоть и не по-спортивному. Рядом с Осинкиным притаились два внештатника, которых дядя Петя сразу взял в качестве карманных понятых. Удобно, когда свои понятые всегда под рукой. Мужики взрослые, но в глазах огонёк горит, будто не самогонщика пошли ловить, а самого Горбатого... Ну или сразу всю банду Черных кошек.

– Кто там? – проскрипел за дверью старушечий голос.

Ё-моё... Злодей оказался бабушкой. Надеюсь, похожей на Бабу-ягу.

Ну, Осинкин, ну паразит! Почему сразу не предупредил? В мою бытность за самогоноварением ответственности не было, поэтому в моём представлении самогонщик виделся здоровенным Моргуновым в папахе и с усами Гитлера. А тут бабушка... Тьфу ты, блин... Но отступать поздно, “маховик системы закрутился”. Назад пути нет. Понятые расстроятся, если без добычи вернутся. Что они потом на заводе в курил-

ке рассказывать будут?

– Мать, – голосом уставшего путника проговорил я. – Открой дверь, я по делу.

– По какому делу? – невидимый глаз продолжал меня разглядывать в линзованную дырку.

Я даже, как бы случайно, отошёл назад и встал под лампу, чтобы меня лучше было видно. Что не злодей, не маньяк и не дай бог – не мент...

Потом с заговорщическим видом достал из-за пазухи пустой “шкалик” и повертел им перед глазком, а на морду накинул просящее выражение.

Щёлк! – замок открылся, и дверь распахнулась. Чуть сторбленная бабушка с узлом седых волос на затылке, внимательно осмотрела меня выцветшими глазами. Морщины на лбу подозрительно на меня хмурились.

– Заходи! – “предпринимательница” впустила меня внутрь. – Откуда узнал про меня?

– Так Петрович проболтался, – выдал я.

– Какой Петрович? – насторожилась бабка.

Я хлопнул себя по лбу.

– Да не Петрович, это брат у него Петрович, путаю их все время, Василич, – я перебрал, на мой взгляд, самые распространенные отчества.

– А-а-а... – закивала бабуля, уже расслабившись. – Вот паскуда, говорила же ему, не веди новеньких. Я, молодой человек, только своим продаю, сам понимаешь, время сейчас

такое. А мне внука тянуть надо.

– Внука? – удивился я. – А родители его что?

Квартирка выглядела убогой, но чистенькой. Обои двадцатилетней давности местами затёрлись до штукатурки. Крашенный пол облупился. На побеленном потолке вместо люстры болталась одинокая лампочка на заляпанном извёсткой чёрном проводе.

В коридор выскочил малец лет пяти-шести в черных трусах и белой майке. Увидев меня, он обрадовался, будто встретил детсадовского друга:

– Дядь, а дядь, дай рупь!

– Уйди, Андрюша, – шикнула на него бабушка. – не лезь к человеку.

Сердце ёкнуло. Он мне напомнил меня самого. Такой же босой на холодном полу. Только я в детдоме, а он здесь. Ещё и тезка...

– А держи, – я пошарил по карманам и вытащил измятую купюру с единичкой, протянул мальчику.

Тот ловко подскочил и цапнул ее, как коршун куренка:

– Спасибо, дядь!

Андрюшка скрылся в комнате.

– Ой, неудобно как-то, – запричитала бабуля. – Зачем ты деньги ему дал? У меня нечем тебе вернуть.

– Да не надо ничего, – махнул я рукой. – Для тётки не жалко.

– Погоди, – бабуля уперла в бока руки. – Я тебе самогона

бесплатно налью...

– Спасибо, – замотал я головой, – Мне пора. Что-то перешелось, не буду брать.

– Как так? А чего приходил-то?

– Да для бати купить хотел, а сейчас подумал, обойдётся, старый хрыч. Пусть трезвеет. Уже мамку своими запоями всю извёл. Вот пусть лучше сдохнет с похмелья, не принесу я ему самогона.

– Ну и правильно, – одобрительно закивала самогонщица. – Помереть – не помрёт, а впредь наука будет. Сколько мужиков эта отравка сгубила...

– Так, а вы что тогда торгуете?

– А кто оглоеда кормить будет? Отец – ветер в поле, мамы – доченьки моей, уж год, как нету...

– Сочувствую, а что случилось?

– Да ты проходи, сынок, чай будешь? С баранками. Варенье малиновое, сама варила. Ягода, правда, с рынка...

– Спасибо, не откажусь.

Я разулся и прошёл в зал. Простенькая комната без югославской стенки и без телевизора смотрелась непривычно пусто. Посередине стоял огромный круглый стол довоенных времён. Его потёртая поверхность выдавала благородство древесной породы. Гордость хозяйки.

На столе расстелена плетёная кружевная паутинка из белых ниток, лежит отрывной, уже изрядно похудевший календарь с советами хозяйке.

Сама хозяйка скоро собрала на стол нехитрое угощение. Я дул на фарфоровую кружку и надкусывал баранку. Не знаю, что заставило меня поддаться на гостеприимство, ведь я пришёл за другим. Может, мне не хватало этого самого гостеприимства в прошлой жизни? Потом люди станут другие. Никто никогда не предложит незнакомцу чаю. Это даже станет немного опасным. Тучи мошенников будут ходить по квартирам, представляясь работниками собес, ПФР или Горгаза, и облапошивать доверчивых пенсионеров, что ещё не успели отвыкнуть от радушия Совка. А пока всё замечательно. Из мошенников только цыгане и Гоша Индия.

– А что же с дочкой вашей случилось? – спросил я хозяйку.

– Убили ее... – старушка смахнула слезу.

– Как убили? – я отставил кружку. – Кто?

– Так не нашли ведь! Умница Верочка у меня была. Закончила пединститут с отличием. Учительницей работала, а нашли её в кустах на набережной, задушил какой-то зверь.

Жёванный компот! Так это же та, что год назад... Про которую Гоша рассказывал. И Паутов потом. Я заинтересовался.

– Сочувствую, извиняюсь, как вас по имени-отчеству? Меня Андрей зовут, как внука вашего.

– Бабой Людой кличут, – хозяйка шмыгнула носом и провела платком по глазам.

– Баба Люда, а у Веры были враги? Недоброжелатели?

– А тебе зачем?

– Так у меня отец в милиции работает, – сообразил сходу я. – Его попрошу, может, разберется...

– Да разбирались уж... – махнула рукой бабуля. – Только без толку. Никто ничего не видел. Никто ничего не слышал. Рассказала я им всё, только про любовника Вериного не рассказала.

– Почему? Это же важно.

– Да он человек хороший, интеллигентный. Незачем ему по допросам шастать.

– Баба Люда, миленькая, что же ты им про него не рассказала? Это же очень важно.

– Нельзя было, – вздохнула старушка. – Женат он был. Позор терпеть от соседей, что дочка моя с женатым спуталась. Утаила я. Любовь у них была... И так разведённая, Андрюшка ещё от первого брака. В студенчестве замуж выско-
чила слишком рано, года не прожили.

– А как звать-то его, помните? – с надеждой спросил я.

– Так я имени и не знала. Вера ничего про него особо не рассказывала. Просто говорила, что человек уважаемый, образованный, что познакомит нас, когда он жену бросит и всё по-людски будет. Я ворчала на неё, мол, что за тайны такие? Где это видано – втихушку любовь плести? Как людям в глаза смотреть? А она говорила, что ей всё равно на окружающих, что главное – моё понимание и любовь её ухажера. Права была дочка. Умница она у меня была... Не уберегла

я кровиночку.

Хозяйка опять завсхлипывала.

– Выходит, жену он так и не бросил?

– Не знаю, сынок. Верочки не стало, и я теперь ничего не знаю. Не бросил, наверное. Рассказала бы мне дочка... А может, не успела просто.

– А как же вы избранника её не видели, он что, на похороны даже не пришел?

– А кто его знает, может, и приходил, только на нём не написано было. Столько народу собралось, как в приходе на Пасху. Любили все Верочку, уважали. Проводить пришли от мала до велика. Я там только нескольких человек узнала... Остальные все незнакомые. А ты точно не из милиции? – бабуля опять глянула на меня с подозрением. – А то давеча приходили двое, пытались самогон купить. Но я-то давно здесь живу. Каждого в лицо знаю. Друзья это были участкового нашего. Петьки Осинкина. Балбеса. Додумался же друзей своих подослать, с которыми в гараже по субботам выпивает. Думал, что? Не узнаю я их...

– Участковые – они такие, – закивал я. – Хитрые... Но понять их можно. С них тоже начальство спрашивает.

– Да я-то понимаю, не по своей воле нарушаю закон. Боженька – не Леонид, бабушку простит. Может, ещё чайку? Вот поговорила с тобой, излила душу грешную, и легче прям стало...

– Спасибо, баба Люда, пора мне, – замотал я головой

(Осинкин, наверное, извёлся), – хоть и вкусный у вас чаек.

– Так ты заходи, если что... Дорогу знаешь.

– Хорошо, как-нибудь заскочу. А Вера ваша в какой школе работала?

– В седьмой, как раз возле набережной, а что? Отец если в органах, должен и сам подробности знать.

– Ну, да, до свидания, баба Люда, с Андрюшкой за меня попрощайтесь, спит уже, наверное.

– Спит, шельмец. Притих... До свидания, сынок...

Я вышел в подъезд. Только дверь за мной захлопнулась, чуть не столкнулся нос к носу с участковым.

– Ты что, дверь ей дал закрыть? – возмущался он. – Как мы теперь внутрь попадем? Купил?

– Не купил, – развел я руками. – Не торгует она больше, дядь Петь. Всё...

– Как – не торгует? – Осинкин хлопал глазами, будто неваляшка.

– Завязала, говорит. Перед соседями стыдно и закон нарушать не хочет. Боязно.

– Вот бляха... – Осинкин почесал за ухом. – Опять без результата вернусь.

– Пошли, дядь Петь, лучше хулиганов ловить. Давно ты по участку вечером ходил? Посмотрим, что да как. Может, повезет. Знаю я тут пару злачных местечек, где воришки собираются. На гитарах брякают и радиоприёмники с машин ворованные толкают.

– Где это? – удивленно уставился на меня участковый. – Почему я не знал?

– Пошли, покажу. Правда, это не твой участок, но какая разница, где палки рубить, лес – он и есть лес.

– Шустрый ты, Петров, – участковый повеселел и повернулся к внештатникам. – Мужики, вы как, домой не торопитесь?

Те удручённо переминались с ноги на ногу. Перспектива бродить по ночному городу их не особо прельщала.

– Вот и хорошо, что никуда не спешите, – ответил за них Осинкин. – У нас рейд профилактический намечается. В целях, так сказать, предотвращения краж из автомашин. Проверим пару мест, где, по оперативной информации, краденое сбывают. Если задержим с поличным, обещаю подготовить и направить вашему руководству благодарственное письмо от имени начальника УВД города. Как вы на это смотрите? Замечательно! Веди, Петров...

Глава 5

Очередной рабочий день начался с визита в кадры.

– Разрешите? – постучавшись в кабинет начальника, я приоткрыл дверь и заглянул внутрь.

– А, Петров? – Криволапов кивнул. – Заходи.

– Вызывали, Василь Василич?

– Скажи, почему я за тобой бегать должен?

– Не понял, товарищ подполковник...

– Ты в школу милиции собираешься поступать? Курсант!

– Однозначно!

– Так какого тогда рожна не идешь оформляться? Тебя же и принимали на службу с учетом того, что ты потом поступать будешь.

Я хлопнул себя по лбу. Ёпрст! В свете последних событий, насыщенных и ярких, как карнавал в Рио-де-Жанейро, совсем вылетело из головы, что для поступления в школу милиции нужно чуть ли не за год оформить кандидата на поступление в отделе кадров УВД.

– Виноват, Василь Василич. Работы много, забегался.

– Забегался он! – Криволапов театрально раскинул руки. – А мне дело личное сформировать на тебя надо, как на поступающего. Запросы оформить, зачеты по физо принять, медкомиссию приложить и ещё кучу разной... – (кадровик осёкся, чуть не сказав, видимо, "х*рни", но вовремя спохва-

тился, — документации, так сказать.

Криволапов еще что-то доказывал. Даже встал и мерил шагами кабинет. Жестикулировал и наслаждался своими ораторскими потугами. Видать, совсем Василь Василичу скучно, если он в общении с простым служащим целый моноспектакль такой забабахал на вечную тему о том, как наши корабли бороздят просторы вселенной и какие нерадивые бывают сотрудники.

Старательно делая вид, что внимаю каждому слову оратора, я кивал, как фигурка собачки с качающейся головой, что стояла в девяностые почти у каждого таксиста на торпедке их ласточек.

Когда источник словоблудия иссяк, Криволапов удовлетворённо сел за стол, довольный своей исключительной харизмой и тем, что просветил слесаря с душой, блуждающей в потемках.

— Вот тебе бланк анкеты, — пододвинул ко мне он типографский листок. — Заполнишь разборчиво печатными буквами. Отдашь Наталье Сергеевне. Она занимается кандидатами на поступление.

Вот жук. Подполковник столько вещал мне о трудностях моего оформления, а на деле всю работу сгрузил на свою подчинённую. Настоящий руководитель. Нравится мне это слово: означает "руками водить". Прямо про Криволапова, в самую точку. Золотое правило — "Плох тот начальник, кто работает больше своего подчиненного" — Василь Василич

свято чтит. Понимаю и не осуждаю. Если всё работает, как часики из Швейцарии, то почему бы и нет?

Аккуратно, с почтением к документу я взял анкету. В графе “Родственники” нужно указать подробно анкетные данные отца. Это уже интересно. Будет повод у матери поспрашивать. Мог же я забыть дату и место рождения папаши? Молодежь – она такая... Забывчивая. А для усиления своего интереса анкету эту и положу перед ней...

Когда вернулся в отдел, Витя уже возился с потерпевшей, пытаюсь откатать ей пальцы. Тётяшка далеко уже послебальзаковского возраста, с трудом втиснутая в платье в горошек и с простой ситцевой косынкой на голове, громко сетовала на своё горе горькое, вещая на весь коридор, где стоял столик для дактилоскопирования, вернее, высокая тумба.

Рассказывала она о том, что цепочку золотую её покойный муж-нефтяник подарил десять лет назад, когда ездил на заработки на Север. А злодеи эту самую цепочку и украли. Причём, самым циничным образом: «прямо оттуда!»

Тётя выглядела просто, но богато. Рядом на столике лежали её многочисленные цацки, снятые с пухлых пальцев. Кольца и перстень с красным камнем. Уши оттягивали тяжелые сережки из “очень презренного” металла.

– Вы просто обязаны найти этого нахала! – её непререкаемый спич гремел праведным гневом.

– Успокойтесь, гражданочка! – Витя старался разогнуть её узловатые пальцы, прокатывая их по бланку дактокарты.

Но отпечатки получались смазанные.

– А меня-то за что? Зачем мои пальчики мараєте? – ку-дахтала потерпевшая.

– Порядок такой, – терпеливо в который раз объяснял Витя. – На даче, где похитили вашу цепочку, изъяты следы. Нужно же нам убедиться, что это не ваши, а преступника.

– Так преступник ясно, кто! Я же сотрудникам рассказывала! Это таксист, паскуда, что с дачи меня забирал! Я, значит, к нему в машину села и говорю, мол, батюшки-светы, а цепочку-то я на даче оставила.

– Стоп-стоп-стоп! Откуда была похищена ваша цепочка – «прямо оттуда» – Витя нагло уперся взглядом в обширное декольте, – или с дачи?

От такого уточняющего вопроса заявительница пошла красными пятнами. Но её растерянность длилась буквально пару секунд.

– Я же говорю, на столе на веранде. И таксисту сказала: «Подождёте? Сбегаю за цепочкой!» А у него морда хитрая, как у Пуговкина, и усы один в один такие же. Ещё и заявляет нагло: “За простой таксомотора, гражданочка, оплачивать дополнительно придётся. Никуда ваша цепочка не денется, мол, завтра вернётесь и заберёте. И я, как Дуся с переулочка, согласилась. Думаю, всё равно завтра на дачу ехать. А он, скорее всего, без меня туда вернулся, окошко выставил и украл, гад, сокровище моё. Память о Петечке...

– Вы что, на дачу на такси ездите?

– Да нет, конечно. Я же деньги не печатаю, поздно было, на автобус опоздала, а тут к соседям машина подъехала, там дача главбуха с кирпичного завода. Она часто на такси раскатывает.

– Не беспокойтесь, нашли вашего таксиста.

– А толку-то что? Сидит он уже в кабинете инспектора розыска. Да только мне сказали, что шансов вернуть цепочку мало. Шельмец не признается, что вернулся на дачу. И соседи ничего не видели. Конечно, какое им дело до меня? У них забор высоченный и музыка играет. Ничего не видят вокруг себя, на простых людей им начхать...

Витя уже замолчал и не встревал в монолог. Наконец, смог кое-как собрать отпечатки экспрессивной дамы в одну кучу на листочке и отпустил её. Та, охая и ахая, вышла в коридор и направилась в туалет отмывать руки, которые по черноте своей напомнили руки Алексея Стаханова, только что вышедшего из забоя. Легенда был мужик. Жаль, что спился и умер в прошлом году в психбольнице. Как говорят, поскользнувшись на яблочной кожурке и ударившись головой. Глупая смерть героя.

– Что за история с таксистом? – поинтересовался я у Вити.

– Непонятная, – развел тот руками. – У потерпевшей на даче ночью кто-то разбил окошко на веранде и, как ты сам слышал, она утверждает, стащил цепочку, что лежала на столе.

– Так это необязательно таксист мог сделать. Любой, кто

увидел цепочку через окно, мог такое проверить, – предположил я.

– В том-то и дело, что не любой. В помещение никто не проникал, а столик не видно с улицы. Занавески там. Получается, что стекло выставили в аккурат в том месте, где стол стоял и цепочка лежала. Осталось только руку протянуть. Таксиста вчерашнего быстро нашли, да только он в отказ пошёл. Я пальчики с осколков стекла изъял, но не его это, посмотрел уже.

– Чтобы стекло разбить, необязательно его лапать.

Витя кивнул на бланк дактокарты с отпечатками толстых пальцев. В строке анкетных данных значилось: “Кузькин Евгений Прохорович, 12.04.1936 года рождения”:

– Опера сказали, что калач он тёртый, шансов расколоть нет. Ранее судимый, к тому же.

– А пальцы тогда на осколках чьи?

– Да потерпевшей, скорее всего. Хотя божится, что ничего не трогала. Мол, фильмы про милицию смотрит и знает, что до приезда сотрудников нельзя улики лапать. Но это все потерпевшие так говорят. А на самом деле просто не помнят, что уже всё перетрогали. Возбуждение у них. Сколько раз так в моей практике было. Приезжаешь на место, след отличный изымаешь, радуешься, что хорошо отработал. И потерпевшие мамой клянутся, что близко к этому месту не подходили. Начинаешь проверять и – бац! Финита ля комедия! Беспольные следы!

– Ясно, – я взял дактокарту Кузькина. – Одолжи на десять минут.

– Зачем?

– Мысль одна есть... Ты уже сообщил операм, что пальцы не подозреваемого на осколках?

– Нет ещё, вот как раз собирался сходить, сказать. Они моего результата ждут.

– Могу сходить. Хочу по управлению пробежаться, фототаблицы невостребованные раздать, заодно и в розыск заскочу. Какой кабинет?

– Восьмой, второй по коридору справа. Сегодня Погодин дежурит, прыщавый такой.

– Знаю, – кивнул я. – Недавно устроился, а уже самостоятельно в сутки ходит. Зелёный еще. Такой точно таксиста не раскрутит.

– А ты что так переживаешь? – Витя прищурился, его глазки-бусинки уставились на меня с любопытством енота.

– Так сам же слышал, память по покойному мужу, – соврал я и не стал говорить, что чуйка оперская гложет, и страсть как охота раскрыть плевое дело. Тряхнуть стариной и вспомнить молодость (хотя, скорее, “старость”).

– Да у таких целые шкатулки памяти. Золотых безделушек столько, что магазин ювелирный можно открывать. Перебьётся. Одной цепочкой больше, одной меньше.

– Злой ты, Витя, поэтому тебя никто не любит, – улыбнулся я.

– Так я же привык, – незлобливо ответил тот. – Всё по-честному. Я никого не люблю – и меня никто не жалует. Так жить проще...

Взяв дактилокарту, я уединился в одном из пустующих кабинетов экспертов (один из сотрудников был в отпуске, другой после суток).

Своего кабинето-места у меня, естественно, не было. Приходилось перебиваться печатными машинками временно отсутствующих коллег. Иногда уже приходилось печатать простенькие справки за подписью криминалистов, да и другую бумажную волокиту клепать, которую на меня постоянно пытались свесить.

От такой работы я слишком не отбрыкивался, но и много на себя не брал. Фотки печатать целыми днями да пальцы катать – занятие рутинное. Лучший отдых, как говорится, это смена деятельности. Вот как женщины отдыхают – устала посуду мыть, можно отвлечься и полы подтереть или уроки с ребенком поделать. А можно играючи и приготовить что-нибудь вкусненькое или просто на всё забить и обвинить во всём мужа... Мужики же виноваты, что им приходится одновременно делать сразу три дела: телевизор смотреть, пиво пить и за «Зенит» или «Спартак» болеть.

Вставил листок в неуклюжую пишущую машинку с надписью «Башкирия». Копирку не стал подкладывать. Документ будет в одном экземпляре, не как всегда.

Положил перед собой дактокарту и, подглядывая в неё,

набил текст. Пять минут и готово. Вытащил листок, поставил внизу закорючку и шлепнул печать экспертного отдела. Документ выглядел солидно и правдоподобно. С таким хоть в суд.

Кабинет с дежурным опером нашел быстро. Вошёл без стука – всё-таки не первый день знакомы с Погодиным.

– Привет, Андрюха, – кивнул он мне. – Что там по пальчикам? Витя должен был исследование провести. Не в курсе?

– В курсе, – ответил я, многозначительно перебирая в пальцах Филькину грамоту.

Перед столом молодого опера на стуле чванливо развалилось тело в спортивном костюме модных цветов: красного с белым. ГДР-овский, наверное.

На холеной морде щетина клочками, на макушке кепка аля Никулин. Тело через губу подало голос:

– Начальник, если других предъяв нет, то отпускай. Пропуск подпиши. Говорю же, не знаю я ни про какую цепочку. Тётку подвозил, не спорю. Потому и следы машины моей там. Увёз ее домой и всё...

– А, по моим сведениям вы больше никого в тот вечер не подвозили, – молодой опер с надеждой выдал последний аргумент.

– Ну так правильно. Конец смены был.

– Диспетчер таксопарка сказала, что машину вы поставили в бокс около двенадцати ночи, а потерпевшую вы подвозили около одиннадцати. Где вы были почти целый час?

– Так в пару магазинов заскочил дежурных. Купил закуски и коньяка на выходные. У меня в субботу день рождения будет. С паспортом сверь, начальник. Праздник у меня скоро.

– Похоже, что нескоро, Кузькин, у вас праздник будет, – удачно вмешался я в разговор и положил перед ним бумажку.

Тот с удивлением уставился на справку, в которой говорилось о том, что экспертом-криминалистом лейтенантом милиции Пупкиным (фамилию свою не стал ставить, если уж липа, то на сто процентов пусть будет липой) проведено дактилоскопическое исследование осколков стекла, изъятых тогда-то по такому-то факту. В результате исследования на одном из осколков обнаружен след большого пальца правой руки гражданина Кузькина Евгения Прохоровича, 12.04.1936 года рождения. Получите, распишитесь...

Таксист замер. Прочитал ещё раз. Вцепился в бумажку, будто собирался её съесть, как фальшивомонетчик купюру. Снял кепку и вытер ею лоб.

Опер забрал у него справку, тоже пробежал глазами и посмотрел на меня:

– Отлично! Пальчики Кузькина! У вас новый эксперт? Кто такой Пупкин?

– Да, новенький, – кивнул я, тихо про себя матеря несообразительного опера (чуть контору не спалил, мог бы и мозгами маленько раскинуть). – Перевёлся недавно. Из Москвы. Лучший спец по пальчикам.

– Ну что, Кузькин? – опер торжествующе уставился на подозреваемого, тряся перед его мордой филькиной писулькой. – Признаваться будем? Хотя мне твои признания уже ни к чему. Против криминалистики не попрёшь! Видал, что наука говорит? Для суда железное доказательство. Куда цепочку дел, ворюга? Лучше говори! Содействие следствию зачтётся.

– В гараже заныкал, – пробубнил поникший таксист, комкая в руках кепку. – Вот ведь как... Аккуратно старался я, не наследить. Как так получилось-то?

– Ну знаешь, Кузькин, и на старуху бывает сам знаешь, что.

– Так-то оно так, начальник. Но тут написано, что наследил я правой рукой.

– И что?

– Так я левша, начальник...

– Бывает, – выдал Погодин. – Волновался и руки перепутал.

Таксист уже не стал спорить и дал признательные показания, а цепочку чуть позже обыском изъяли.

– Спасибо, Петров! – тряс мне руку Погодин. – Раскрыли по горячим, так сказать. Теперь утренней планёрки можно не бояться. Есть, чем перед начальством похвастаться.

– Пожалуйста, – ответил я. – Но я бы не хвастался... Не преступление века.

– Да ты что? – всплеснул руками опер. – Это же моё пер-

вое самостоятельное дежурство! И такая удача!

– Удача тут ни при чем, – я взял со стола справку и на глазах у опера порвал ее на клочки.

– Ты что, Петров? – Погодин удивленно вытаращился на меня. – Это же доказательство!

– Теперь оно ни к чему. Кузькин признался. Нет у нас в отделе криминалиста Пупкина. И не было. Понимаешь?

– Как это?

Я вздохнул:

– Тебе сколько лет, Погодин?

– Двадцать четыре.

– Чайник ставь, расскажу кой-какие премудрости... Пригодятся.

* * *

Я отпросился с работы на пару часов, чтобы провернуть одно важное дельце. Шагал по просторному коридору школы номер семь. В крашенных в казённо-синий цвет стенах мои шаги отдавались гулким эхом. Сейчас шёл урок, и помещение, пахнувшее свежей краской, казалось вымершим.

Одиночные фигурки учеников, что иногда маячили “на горизонте”, заведя молодого мужчину в строгом костюме и галстук (удавку я недавно прикупил), принимали меня за учителя и спешили смыться с глаз долой. Чтобы вопросов к ним не возникало: «Почему не на уроке, а ну быстро на

занятие и завтра с родителями в школу!»

Оделся я солидно. Костюм неброский, новый и добротный, чтобы на представителя органов был похож. Неважно каких... Надеюсь, удостоверение не попросят показать.

Вот и нужный кабинет. Черная пухлая дверь, обитая кожзаменителем с подложкой, наверное, из поролона, с табличкой “Директор”.

Постучал.

– Войдите, – пригласил приглушенный голос.

Потянув деревянную ручку, я вошёл внутрь и оказался в небольшом кабинете, сверху донизу уставленном комнатными цветами. Среди всей этой зелени – герани, щучьих хвостов и фиалок – за небольшим, не по-директорски скромным столом примостилась худая женщина с шишкой седых волос на голове и длинным носом. Вылитая Шапокляк, только глаза добрые и головного убора нет.

– Здравствуйте, Светлана Степановна, – имя выяснил заранее, так проще расположение собеседника завоевать. – Я из милиции. Петров Андрей Григорьевич (для легенды оставил настоящее имя, а из какой-токой милиции и какого отдела, не стал уточнять). – Хотел бы вам задать несколько вопросов по поводу вашей бывшей сотрудницы Соболевой.

– Верочки? – встрепенулась директриса. – Что-то прояснилось? Неужели убийцу нашли?

Глава 6

– К сожалению, Светлана Степановна, преступление пока остаётся нераскрытым.

– Уже год прошёл, – директор глянула на меня с укоризной.

– Работаем. Поэтому и пришёл к вам. Скажите, у Веры были недоброжелатели?

– Что вы! Она хоть и была молодым специалистом, пользовалась уважением в коллективе. Всегда выручала коллег. Если подменить надо или детей организовать в поход или в музей. Всегда в первых рядах. А почему вы спрашиваете? Я же это уже всё рассказывала следователю из прокуратуры.

– Я этим делом занялся недавно, хотел, так сказать, услышать всё из первых уст. И потом... Бывает, что по прошествии времени что-то вспоминается, какие-то детали всплывают. Скажите, у Соболевой был мужчина?

– Я не знаю, – пожала плечами директриса, – девушка она была видная, в разводе... Может, и был. Погодите... Сейчас у Шурочки спросим.

– У Шурочки?

– У Александры Евгеньевны, это наш внеклассный педагог. Продлёнку ведёт. Знает всё, что в школе происходит. Суёт свой нос... То есть, я хотела сказать, вникает во все учебные и общественные процессы.

Женщина подняла трубку и покрутила диск телефона:
– Алло, Шурочка! Зайди, пожалуйста, ко мне.

Меньше, чем через минуту по коридору гулко забарабанили каблуки.

Дверь распахнулась, и в кабинет влетела девушка лет тридцати. Худенькая фигура утянута в костюм “юбка-жилет” ярко-синего цвета, граничащий с нормами профессиональной дозволенности. Белокурая прическа в стиле Монро и такие же вызывающе-красные губы.

Шурочка с ходу выпучила глаза и замахала руками:

– Светлана Степановна! Вы представляете! Трудовик с физруком опять в каморке закрылись! Я стучу, а они притихли и не открывают. Но я-то знаю, что они там. Я отошла, каблуками поцокала и тут же вернулась на цыпочках. Ухо к двери приложила и слышу: “Дзинь”! Совсем стыд потеряли! Средь бела дня в школе образцового порядка выпивают! Гнать их надо, Светлана Степановна!

– Шурочка! – директриса, наконец, смогла вставить слово. – Позже с Гавриковым и Стрельцовым разберусь. У нас, вообще-то, гость.

– Ой! – Девушка прижала кулачки к груди, типа, наконец, заметив меня, сидевшего на одном из стульев у стены. – Простите, простите! А товарищ из гороно?

– Из милиции.

– Из милиции? – Шурочка радостно всплеснула руками. – Фу-ух... Очень хорошо, а я-то подумала...

– Александра Евгеньевна, – теперь взгляд директрисы напоминал глаза Шапокляк. – Не надо думать. Вы и так наговорили уже лишнего. Помолчите, пожалуйста. Товарищ Петров задаст вам несколько вопросов. Хорошо?

– Конечно, Светлана Евгеньевна! Я всегда готова помочь нашей милиции. А в чём, собственно, дело? Это из-за того, что в столовой ящик сгущёнки пропал? Так это я уже завхозу сказала. Он заставит кухработников возместить. Милицию-то зачем вызывать?

– Шура! – хрупкая директриса стукнула кулачком по столу.

– Ой, поняла, поняла, Светлана Степановна! Всё, молчу, молчу!

Я сидел с блокнотом и ручкой и старался поддерживать чрезвычайно важный и деловой вид. Но, глядя на Шурочку, еле сдерживался, чтобы не рассмеяться. Настоящая находка для шпиона, ОБХСС-ника или того самого проверяющего из горono.

– Скажите, Александра Евгеньевна, – я посмотрел на девушку взглядом Пуаро, она сразу прониклась ко мне и готова была выложить всю подноготную школы и не только. – Что вам известно о личной жизни погибшей Соболевой?

– Верочки? А почему вы об этом спрашиваете? – голос Шуры дрогнул. – Я же не знала, что это её жених.

– Не понял? Какой жених? При чем тут вы?

– Вера вообще три года одна была, – зататорила Шура. –

А потом мужчина стал к школе приезжать на “Волге”, белой. Я сразу его заприметила. Солидный, но не старый, хотя в костюме новом. Я думала, он работник радио. У нас тут дом радио через дорогу. Места возле здания впритык, и сотрудники часто машины оставляют возле школы. Я подошла как-то, время у него спросила, а он мне улыбается. Ответил и глаз не сводит, предложил в кино сходить. Так прямо сразу. Вот это мужчина! Спросил, где я работаю. Я сказала, что в школе. Он сразу как-то нахмурился, сел в машину и оттуда уже ответил, что как-нибудь позвонит. Я ему кричу: “Куда же вы позвоните, ведь вы телефона моего не знаете. И вообще нет у меня телефона дома!” А он махнул рукой и уехал. А потом я его видела с Верочкой. Она к нему в машину садилась. Получается, что я чуть её мужчину не увела... Но это же не преступление, правда? Тем более, нет больше её. Бедная Верочка... Как ужасно всё вышло! А вы не знаете, что за мужчина был на белой Волге?

– Это как раз я у вас и хотел спросить, – из всего разговора я записал только фразу “белая Волга”. – Опишите его. Вы его запомнили?

– Конечно, запомнила. Машина – сразу видно, что новая. Не та горбатая, а свежей модели. Вся сверкает на солнце, как снег в горах.

– Это всё, что вы запомнили? А рост? Сколько лет примерно? Цвет волос?

– Ой! Я вас умоляю! Да кто на это сейчас смотрит? Мне

уже за двадцать, пора о будущем думать, а не о цвете каких-то волос, простите...

– Недавно, Шурочка, твой юбилей отмечали, – вмешалась директриса, – тридцать лет тебе, вроде, стукнуло.

– Так я и говорю, что больше двадцати, Светлана Степановна. А у нас в школе и посмотреть не на кого. Был географ, да сплыл. В гороно забрали. А там такие стервы сидят – хватка, как у змей, мигом к рукам мужика приберут. Как там наш Лёша? Он глобус свой в школе оставил. Надо позвонить, может, придёт забрать? А?

– Спасибо, Александра Евгеньевна, вы очень помогли следствию, – улыбнулся я.

– Да не за что, – хитро посмотрела на меня девушка. – Супруге привет передавайте.

– Не женат я.

– Да вы что? Такой мужчина...

– Александра Евгеньевна! – осекла её директриса. – Спасибо за помощь, мы вас больше не задерживаем.

– Поняла, Светлана Степановна. Ухожу, ухожу... А, чуть не забыла. Седьмой “Б” макулатуру так и не сдал. Классный руководитель говорит, что...

Директриса зыркнула на неё взглядом Горгоны. Я удивился, что у такой милой женщины был такой взгляд в арсенале – впрочем, куда ей деваться, это профессиональное.

– Всё, ухожу. Если у товарища из милиции будут еще какие-то вопросы, я тут, в кабинете под лестницей. Раньше это

каморка была, а сейчас...

– Вон! – не выдержала Светлана Степановна.

Шура выскользнула из кабинета. Директриса вздохнула:

– Вы не думайте, она не такая. Не знаю, что на неё сегодня нашло. А за сгущёнку мы возместим. Я вам обещаю. Там недоразумение просто вышло.

– Светлана Степановна, – улыбнулся я. – Личная жизнь сгущёнки меня не интересует. Всё, что нужно, я узнал. Спасибо вам за оказанное содействие.

– Вам спасибо, – улыбнулась в ответ директриса.

– А мне-то за что?

– За то, что в милиции работают такие чуткие и понимающие люди.

– Рады стараться. До свидания.

Я вышел из кабинета директора и посмотрел на наручные часы. Нитевидные стрелки “Славы” показывали половину пятого. Ещё на работу успею.

Что за таинственный ухажёр был у Веры? Женатый и на белой Волге. Это еще проверить надо... С описанием негусто. А, ещё солидный и в костюме. Но каждый, кто ездит на белой Волге, выглядит презентабельно, как Ипполит из “Иронии судьбы”. Надо, кстати, телевизор купить. Всё накопить никак не могу, дорогой, зараза. Семьсот рублей стоит. В этом году новая марка вышла (в газете писали). “Витязь” называется. Тот ещё дороже...

С виду выглядит всё логично и безобидно: молодая раз-

веденная учительница встречается с женатым ухажёром возраста около сорока, владельцем новой “Волги” и, естественно, скрывает от окружающих, в том числе и от матери, свой роман. То, что скрывает, вполне понятно. Измены в СССР были сплошь и рядом, но клеймились позором. Ходьба налево могла повлиять не только на репутацию и карьеру, но и на благополучие в целом.

Особенно это касалось членов партии. Роль партии в этом вопросе была, как всегда, главенствующей. В практику даже вошли случаи, когда мужчин или женщин возвращали в семью под угрозой увольнения с работы и исключения из партии, если один из супругов жаловался руководству.

Дурость, конечно, но система целенаправленно воспитывала морально крепких и непоколебимых строителей коммунизма. Был даже такой раздел в “Моральном кодексе строителя коммунизма” (любопытный, кстати, документ, не зря я его штудировал в библиотеке): “Честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни”.

Честность – это хорошо... Если правда одна. Большинство советских граждан, конечно, осуждает измены, вслух критикуют, но смотрят “Тихий дон”, вздыхают и в глубине души завидуют такой красивой любви, хоть и на стороне.

Поэтому ничего удивительного, что после гибели Веры ухажёр испарился. У него жена, да ещё и дети, наверное, и проблемы ему вот совсем ни к чему. На серийного убийцу

человек в костюме и на “Волге” пока не тянет. Но образ может быть очень обманчив. Снаружи красота, внутри – мразота. Потолковать с ним в любом случае надо. Только как найти? Раньше просто было. Пробил звонки и сообщения с мобильного жертвы, и вот он – круг общения тебе на блюдечке. А теперь ищи ветра в поле. Хотя есть одна зацепка. Незнакомец на ловеласа похож. Если верить Шурочке. Склеить её хотел, но узнал, что та работает в том же месте, что и его пассия, и вмиг испарился.

* * *

Вернувшись на работу, я прямиком пошёл к “уркам” в восьмой кабинет. На стуле, закинув руки за голову, покачивался Погодин. На столе кружка дымящегося чая и пистолет. Вид Погодина важный и глубокомысленный. В думках весь. Даже Феликс Эдмундович с портрета, что висит на стене среди топографических карт и копий ориентировок, одобритительно смотрит на своего преемника.

– Привет, Погодин, – я уселся на стул с потрёпанной подушкой из красной ткани, что стоял напротив. – Вижу, работаешь? Не сильно отвлёк?

– Здоров. Говори, что хотел, – голос неспешный, с интонацией усталости от этого брэнного мира, ну вылитый матёрый опер, или даже целый начальник отделения.

– Год назад, в сентябре, убийство тёмное было, потерпев-

шая Соболева Вера Ивановна. Навскидку помнишь?

– Я тогда ещё не работал.

– Знаю, что штаны в пединституте протирал.

– А может, в армии служил? Откуда тебе знать?

– В какой на хрен армии, Погодин? Ты же сам мне рассказывал, что у вас военная кафедра была, и как вас на сборы гоняли, а ты, чтобы не ездить, в больницу с диареей слег. Абрикосов забродивших нажрался.

– Ой, и правда, – опер больше не раскачивался на стуле, упоминание о диарее быстро вернуло его на землю.

Как всё-таки отрезвляюще действует на людей метко брошенная ложка того, что не тонет.

– Короче, узнай-ка по убийству подробности.

– А тебе зачем?

– Знал я Веру, – пришлось соврать. – Не её лично, но её мать. И сына, что сиротой остался.

– Так дело же в прокуратуре.

– Это я и без тебя знаю, ты материалы ОПД посмотри.

– А-а-а... Ну я не знаю, это надо к начальнику угро идти, узнавать, у кого оперативно-поисковое дело. Потом с убийниками переговорить, я же имущественник, убийства – не мой профиль.

– Не п*зди, Погодин! – я готов был придушить этого “беззубого” опера. – Ты мент или почему? Вижу, что глаза хитрые, как у Попандопуло. Что хочешь? Говори сразу.

– Ну-у, поможешь ещё пару краж раскрыть, как тогда на

дежурных сутках? Я и подумаю.

– Ну точно – Попандопуло! И торгуешься так же: “Это тебе, это снова тебе, это опять тебе” ... Хрен тебе, а не раскрытия! Помогать, Погодин, надо учиться бескорыстно. Чтобы быть кристально бедным.

Я демонстративно фыркнул и поморщился. Развернулся, якобы собираясь решительно уходить.

– Да погоди, Андрюха, я же пошутил! УРД у меня. Только оно секретное.

– Как – у тебя? Ты же кражами занимаешься?

– Так на меня, как на самого молодого, свесили все громкие темнухи прошлых лет. На, Федя, разбирайся.

– Тебя что, Федей зовут?

– А ты не знал?

– Да знал, конечно. Тоже шучу.

Погодин со скучным лицом пошёл открывать сейф и достал оттуда пухлую папку с потрепанными краями:

– Вот, смотри. Только никому ни слова, что я тебе показал. Это ж с грифом, – он привычно сбился на веский тон.

Я полистал папку. Ничего особенного. План мероприятий, версии. Стандартные справки о проделанной работе, сколько лиц отработали, что сделали. Подробно, вплоть до того, сколько людей дактилоскопировали. Всё в одну кучу свалили, для пухлоты отчётности, так сказать.

– Ты сам-то хоть вникал? – я с укоризной посмотрел на Погодина. – Дело уже три месяца не обновлялось. Последняя

справка датирована июнем.

– А я что? Разорваться должен? У меня работы – воз и три вагона.

– Вижу, как ты работаешь. Чаи гоняешь, да на стуле чаешься.

Тут я, конечно, не в свою вотчину полез, но его не в меру досужий вид меня просто раздражал. Ведь столько можно дела сделать!

– А ты что, начальник мой? – ожидаемо взвился Федор. – И откуда ты вообще разбираешься в материалах оперативных? Ты же простой эксперт?

Я уж не стал говорить Погодину, что даже не эксперт. Как-то рассказывал ему о своей должности заведующего фотолaborаторией, но он мимо ушей пропустил, так не повторять же сто раз.

– Я, Федя, в работу просто быстро вникаю, приглядываюсь, что да как. К нам в отдел много сотрудников опытных с других служб заходит. Общаюсь с ними, а не сижу в кабинете на неустойчивом стуле...

– Ну да, не читал я дело. Все равно висяк. Сам знаешь, если по горячим или в течение недели убийство не раскрыли, то шансов дальше – мизер остается.

Я полистал папку чуть дальше. Никаких упоминаний о белой “Волге”, ухажёре и прочих подробностях личной жизни убитой. Наверное, когда опера опрашивали коллег Веры, Шурочка в отпуске была или на больничном.

Я уже почти расстроился, как вдруг наткнулся на любопытную бумажку. Список лиц, с кем контактировала убитая. Очень занятно. Почему-то там несколько мужчин. Напротив фамилии одного из них написано, что бывший муж. А вот это уже очень интересно...

– Ножик дай, – потребовал я у Погодина.

– Зачем? – удивился тот.

– Давай, говорю...

– Есть складной, пойдёт?

– Без разницы, – я взял складник и поддел белые нитки, которыми было сшито дело.

– Ты что делаешь? – Федя попытался выхватить папку, но я вцепился в нее, как коршун в куренка. Только с когтями можно вырвать у меня добычу.

– Не бойсь, Погодин. Я аккуратно листочек вытащу, перепишу, а потом принесу – и сошьём всё, как было.

– Может, не надо?

– Надо, Федя, надо...

– Так нить же оклеена, и подпись начальника! – не унимался Погодин.

– И нитку обратно приклеим, и подпись нарисуем. Всё будет. Ты будто не мент вовсе.

– Это же подделка документов!

– Подделка, Федя, это когда в корыстных целях, а это ради общего дела. Чувствуешь разницу?

– Вот зря я тебе дело дал, начальник за него с меня шкуру

спустит.

– Не блажи. Эту папку несколько месяцев никто не трогал. Не потрогают еще денек. Вот и все, – я аккуратно свернул заветный листочек и сунул его в карман рубашки. – Дело-то. Всё, бывай. До завтра.

Погодин молчал, с ужасом глядя на “распотрошённое” оперативно-поисковое дело и обхватив голову руками.

Вильнув возле его стола, я прихватил ещё кое-что. Траурный Федя даже не заметил, что лишился самого ценного.

Покинув кабинет, я направился в свой отдел. Посмотрел на часы и засёк время. Мысленно сделал ставку, через сколько минут прискачет ко мне Погодин. Остановился на десяти. Тот прилетел через пять. Глаза навылупку, волосы всклокочены, сам заикается:

– Андрюха! Ты пистолет мой не видел?

– Какой пистолет? – хитро прищурился я.

– Ясно, какой, табельный. ПМ пропал. Куда я его деть мог? Ума не приложу. Ну все... Хана мне. Уволят. И дело, и ствол.

– Как пистолет мог из кобуры на поясе пропасть?

– Да не в кобуре он был!

– Тем более, – подначивал я. – Из сейфа как мог пропасть?

– Да почему из сейфа-то? На столе он лежал!

– Да потому что, дурья твоя башка, пистолет только в кобуре должен быть на теле – или в сейфе. Другого не дано. Кто у тебя наставник был, что не научил этому?

– Да знаю я, помоги его найти! Куда делся, не пойму.

– Бери, – я запустил руку за спину и вытащил из-за пояса

ПМ. – Не теряй больше.

– Так это ты стащил его? Зачем?!

– В воспитательных целях. Зато в следующий раз ты так уже не сделаешь.

– Ну ты, Петров!.. Да я... Я начальнику твоему скажу!

– Давай, ещё от него тебе влетит. Иди уже, работай. Ещё спасибо мне скажешь когда-нибудь. Пистолет пуще бабы беречь надо. Баб много, а ствол у мужика один. Сечёшь?

Глава 7

Городская поликлиника собрала толпу народа у регистратуры. Из четырёх окошек с вырезанными из оргстекла подтрафарет надписями с засохшими подтеками: “Регистратура” работало только два. Пациенты, преимущественно предпенсионного возраста, облепили амбразуры маленьких окошек, как муравьи апельсиновую корку.

Передние ряды повисли на полированном подоконнике и пытались заглянуть в прорезь, периодически оборачивались и шипели на задних. Те, в свою очередь, вытягивали шеи, словно хотели разглядеть, что дают в этой самой «Регистратуре».

Медрегистраторы в дежурном режиме обгавкивали посетителей. Иногда пациентам удавалось вывести их из себя. Тогда те, доведённые до кипения, швыряли им медицинские карточки. Иногда закатывали глаза и, вздыхая, морщились, когда кто-то, помимо обращения, ещё спрашивал у них, как найти тот или иной кабинет. Видно, по закону Дарвина, на такую работу всегда брали только женщин с хваткой кобры и длинным языком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.